

Россия и первая война Двадцатого века*

В октябре 1899 г. Николай II путешествовал по Дании и Германии. В своем дневнике 27 (14) октября он записал:

«Читал с интересом английские газеты о войне в Южной Африке».¹ Своей сестре Ксении он писал 3 ноября (21 октября) более определенно: не только о том, что каждое утро начинал с чтения сводок с южноафриканских фронтов, но и что предпримет реальные действия. Окажет давление на Англию, подведя войска к границам Афганистана, и Индии.

«Как и ты и Сандро,² я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки и затем делюсь с другими за столом своими впечатлениями. Я рад, что Аликс³ во всем думает, как мы; разумеется, она в ужасе от потерь англичан офицерами, но что же делать - у них в их войнах всегда так бывало!

Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала White целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен!

Вот что называется влопались и полезли в воду, не зная броду! Этим способом буры сразу уменьшили гарнизон Лэдисмита в 10 тысяч человек на одну пятую, забрав около 2000 в плен.

Недаром старик Крюгер, кажется, в своем ультиматуме к Англии, сказал, что, прежде чем погибнет Трансвааль, буры удивят весь мир своей удачей и стойкостью. Его слова положительно уже начинают сказываться. Я уверен, что мы еще не то увидим, даже после высадки всех английских войск. А если поднимется восстание остальных буров, живущих в английских южно-африканских колониях? Что тогда будут делать англичане со своими 50 тысячами; этого количества будет далеко недостаточно, война может затянуться, а откуда Англия возьмет свои подкрепления - не из Индии же?

Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне приятно сознание, что только в моих руках⁴ находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое - отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 06-01-005 38а.

подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для нее месте».

«Расправиться с Англией» – это Николай назвал своей «излюбленной мечтой». Правда, понимал, что время для ее осуществления пока не настало: «...мы недостаточно готовы к серьезным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединен пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией».

Но все же решил действовать – начать с Вильгельма II: «Я намерен всячески натравливать императора на англичан, напоминая ему о его известной телеграмме Крюгеру!».⁵

Внимание царя и его окружения к англо-бурской войне было непритворным. В своем дневнике, отнюдь не предназначенном для публикации, Николай записал 27(14) января 1900 г.: «Сандро, как и все мы впрочем, совсем помешался на войне англичан с бурами».⁶

Почему вдруг такой интерес у царской семьи к событиям на другом конце света? И проявился ли он только у Романовых или Романовы отразили настроение и отношение более широких кругов российской общественности? И возникло ли внимание к Трансваалю лишь с началом той войны, спонтанно – или было и раньше, развивалось подспудно?

В Трансвааль – за опытом

В Санкт-Петербурге в Центральном историческом архиве хранится такой документ:

«С Высочайшего соизволения, последовавшего во 2-ой день ноября 1890 года, Горный Инженер Коллежский Советник Китаев был командирован в Южную Африку, сроком на 8 месяцев, с целью изучения механических и химических способов разработки золотоносных месторождений, а также для собрания сведений о действующих в Южно-Африканской республике узаконениях, регламентах и инструкциях, касающихся горного дела, с выдачею единовременно на путевые издержки 1500 руб. и с назначением в заграничное содержание, сверх получаемого им внутреннего содержания по должности Управляющего Уральским горным училищем по 500 руб. в месяц».⁷

Другого российского горного инженера, на сей раз сибирского, командировали в Южную Африку семью годами позже. 30 сентября 1897 года горный инженер Вячеслав Степанович Реутовский, исполнявший тогда обязанности помощника начальника Томского горного управления, послал в Санкт-Петербург в Горный департамент Министерства земледелия и государственных имуществ Российской империи свои соображения, главным

из которых было следующее: «Геологическое строение Кельбесской системы Томского горного округа не только таково, что оно напоминает Трансвааль, но этой системе свойственны, по-видимому, те же конгломераты, которые по пробам, произведенным в Томской золотосплавочной лаборатории, оказались и золотосодержащими».

А раз так, то Россия должна изучать геологию Южной Африки. Реутовский писал: «целью путешествий русских инженеров в Африку и Австралию до сих пор было ознакомление преимущественно с техникой золотоносных стран. Поэтому и результат этих путешествий выразился, главным образом, в описании различного рода технических приспособлений, устройств, орудий и машин, применяемых в золоторудном деле». Но, как он считал, «собственно интересам практической геологии в указанных трудах мало уделялось места».

Доводы Реутовского были признаны убедительными. В результате – другой документ: «О командировании горного инженера статского советника Реутовского в Африку и Австралию для изучения золотопромышленного дела».

«Командировать в Африку и Австралию, сроком на восемь месяцев, чиновника особых поручений Томского горного управления, горного инженера статского советника Реутовского, с целью изучения условий тамошней золотопромышленности как в геологическом, так и техническом отношении, с выдачей двух тысяч рублей на путевые издержки и с назначением по пяти сот рублей в месяц в заграничное содержание, сверх получаемого им по должности».

И сверху: «На подлинном рукою министра земледелия и государственных имуществ написано: "Высочайшее соизволение последовало в Царском Селе 27 октября 1897 г." М.З. и Г.И. Ермолов».

Министр, Алексей Ермолов, подписал Предложение о командировании Реутовского 27 октября 1897 г. "Высочайшее соизволение" последовало немедленно, 27 октября.

Почему нужны были эти командировки? Реутовский дал на этот вопрос убедительный ответ:

«Наблюдаемое за последнее время уменьшение добычи золота на Урале и в Сибири находится, между прочим, в зависимости от того, что наши золотопромышленники до сих пор мало пользовались геологическими данными при разведках и разработке золотоносных месторождений. Поэтому в настоящее время, когда практика золотопромышленности начинает повсюду опираться на эти данные, представляется своевременным дать русским горным инженерам возможность изучить весьма интересные месторождения золота в кварцевых конгломератах в Трансваале, в Африке, и в кварцевых жилах в Виктории, в Австралии. Инженеры эти могли бы затем знакомить лиц, занимающихся у нас

золотопромышленностью, с практическими указаниями, в целях правильной и экономической разведки и разработки рудных месторождений золота. Изучение инженерами месторождений золота в Африке является тем более желательным, что геологическое строение некоторых частей Томского горного округа представляет, судя по литературным данным, некоторое сходство с строением золотоносных местностей в Трансваале».⁸

Но были ли результаты?

Были. Прежде всего, оказалось, что южноафриканский опыт, если и не полностью, то частично, можно было применить на горных разработках в Сибири и на Урале. В отчете, отправленном Реутовским из Кейптауна 29 января/10 февраля 1898 г., говорилось:

«Считаю первую половину своей задачи исполненной: виденное мною в Трансваале не только интересно само по себе, но интересно и в том отношении, что кое-что из виденного может быть применено с большой пользой и у нас. Процесс обработки золотых руд цианистым калием в таком виде, в каком он применяется теперь в Южной Африке, — один из новых. Вместе с процессом "Сименс и Гальске" он составляет такой прием, которым легко обрабатывать наши отвалы, образующие горы на золотых приисках, не говоря уже о том, что эти способы делают почти излишним применение дорогостоящей обработки хлоринацией».

Реутовский ознакомился с добычей не только золота в Трансваале, но и алмазов в британской Капской колонии, в Кимберли, на крупнейших в мире разработках этого металла. «По пути осмотрены мною знаменитые месторождения алмазов в Кимберлее, — писал он. — Это не только оригинальные, но и единственные месторождения этого драгоценного камня в коренной породе: все до сих пор известные месторождения (Индии, Бразилии, Борнео, Австралии и Урала) есть месторождения наносные. Оригинальность алмазоносной породы проявляется в том, что она прорезает пласты в виде колонны или трубы, напоминающей собою цилиндр вращения, стоящий совершенно вертикально. Породу эту, в высшей степени интересную и в петрографическом отношении, разрабатывали сначала разносами, глубина которых достигала до 600' ⁹; в настоящее время эти выемки представляют грандиозные чаши в земной поверхности, столько же поражающие наблюдателя их видами, сколько поражают его наносы, разрабатываемые гидравлическим способом.

Способы добычи алмазов и их получение из пород не менее характерно: здесь впервые пришлось увидеть "алмазные поля" — это громадные, в несколько верст длиной, пространства, на которых расставляется порода для разрыхления, что совершается в продолжении 6-8 и даже 12 месяцев. Твердые сорта породы при обработке подвергаются

дроблению, не боясь раздробить алмазов, так как пользуются в этом отношении свойствами пород дробиться по плоскостям не алмазов, а других более мягких элементов».

Заметки Реутовского по поводу политики англичан по отношению к местному населению нелицеприятны и очевидно правдивы, но на на его оценки и сравнения наложила, вероятно, отпечаток и господствовавшая тогда враждебность в российско-британских отношениях:

«...Англичане из свободной страны здесь хозяйничают, как варвары: и если где еще сохранилось рабство, то это здесь, в отношениях, какие установлены во всех отраслях промышленности между "белыми" и "черными". Удивительно, как вместе с этим уживаются здесь порядки свободного обращения металла. Алмазная, впрочем, промышленность здесь подчинена такой же регламентации, как у нас золотопромышленность, и, несмотря на это, воровство алмазов развито несравненно сильнее, чем воровство золота. А между тем это воровство — прямой результат того ненормального порядка, когда рабочий из черных, при страшной дороговизне здешней жизни — может заработать 3 шиллинга (93 к.). Обыкновенно же здесь практикуется плата 1,1 и 2 шиллинга. Рабочие из белых считают, что дороговизна здешней жизни такова, что она в четыре раза выше английской, и процентов на 25-30 выше американской».¹⁰

По возвращении Реутовского в Россию его подробный "Отчет о командировке в Африку и Австралию" печатался по указанию министра земледелия и государственных имуществ в нескольких номерах "Вестника золотопромышленности", а затем вышел отдельным изданием. А сам Реутовский был назначен управляющим Томской золотосплавочной лабораторией.¹¹

Правительство Российской империи не ограничилось командированием русских инженеров в Южную Африку. Оно несколько раз приглашало в Россию Джона Хэммонда, который считался одним из крупнейших в мире экспертов горного дела. Хэммонд был американцем, но приобрел известность работой в основных горнорудных компаниях Южной Африки.

В 1898 г. Хэммонд провел несколько месяцев в России. Он был приглашен, чтобы проанализировать горнорудный потенциал России и возможности его использования. Приглашал его Сергей Юльевич Витте, министр финансов, а впоследствии премьер-министр, известный своими попытками модернизировать экономическую жизнь Российской империи.

Хэммонд проехал по Сибири, был на Алтае, на Енисее. Впечатления о тогдашней России и о возможностях развития ее горного дела занимают немало места в его воспоминаниях. Он был наблюдательным человеком. Главный его вывод актуален и

сегодня. Природные ресурсы России, писал он, «поразительно привлекательны для инвестиций». Но привлечению иностранного капитала препятствуют две помехи: «русское законодательство неблагоприятствует инвестициям» и «русская бюрократия контролирует все стороны русской экономической жизни».¹²

Установление дипломатических отношений

В середине 90-х позапрошлого века в Петербурге обсуждался вопрос о назначении консула в Йоханнесбург. Речь шла о почетном консуле, таком же, как в Кейптауне, где русский почетный консул уже несколько десятилетий занимался делами моряков российских кораблей, заходивших в Кейптаунский порт. По запросу из Петербурга кейптаунский консул прислал в июле 1895 г. сведения об экономической ситуации в Трансваале и о россиянах, обосновавшихся там. По сведениям Российского МИДа, их было тогда четыре тысячи. Министерство иностранных дел 10 августа 1895 г. препроводило этот отчет министру торговли и мануфактур.¹³ В октябре и ноябре оба министерства рассматривали вопрос о консульстве в Трансваале и решили, что обстоятельства для этого еще не созрели.

Но через четыре месяца – попытка захвата Трансвааля капскими англичанами ("рейд Джемсона"), воинственно антибританская телеграмма кайзера Вильгельма II, посланная трансваальским бурам и вообще обострение ситуации, как бы теперь сказали, "вокруг" Трансвааля.

Перед лицом усилившейся угрозы со стороны Англии Трансваальское правительство оказалось крайне заинтересовано в связях с другими европейскими государствами и, в частности, с Россией. В апреле 1897 г. Трансвааль обратился в министерство иностранных дел Франции с официальной просьбой о содействии в установлении отношений с Россией.¹⁴

Министр иностранных дел М.Н. Муравьев немедленно откликнулся. В том же апреле (28 марта по ст. ст.) он направил письмо министру финансов С.Ю. Витте.

«Постоянно возрастающее значение для народов Европы африканского материка и важные политические вопросы, сопряженные с колонизацией этой части света, побудили Государя Императора Высочайше повелеть мне приступить к устройству нашего дипломатического и консульского представительства в Марокко и Южно-Африканской Республике ... К вопросу о нашем представительстве в Южно-Африканской Республике, носившей до 1881 г. название Государства Трансвааль, имею честь объяснить, что со времени открытия богатейших золотых приисков в этой стране и вызванного этим быстрого развития благосостояния означенной республики, в нее стали стекаться выходцы из всех

стран света, и в том числе и из России. Из собранных М.И.Д. по этому предмету сведений видно, что в городах Претории, Йоганнесбурге, Крюгерсдорпе и др. проживают в настоящее время до 7.000, или по другим данным даже до 8.000 чел. наших подданных. Эти эмигранты занимаются различными ремеслами, но главным образом - торговлею. Большинство их живет безбедно, а некоторые даже богаты, что доказывается тем обстоятельством, что состояние русских, живущих в Йоганнесбурге, где они составляет десятую часть народонаселения, оценивается в 500.000 ф. ст. Вопрос о желательности учреждения консульского представительства в одном из городов Южно-Африканской Республики возбуждался неоднократно в МИД по ходатайствам лиц, непосредственно заинтересованных в установлении торговых отношений с этою страной, но Министерство не считало тогда своевременным начать переговоры по этому предмету. Ныне события последнего времени, однако, вполне выяснили ту важную политическую роль, которую может играть означенное государство в Южной Африке и значение его, как для наций, прямо заинтересованных в судьбах этой части света, так и для нас, и поэтому наше правительство нашло нужным в целом противодействовать стремлению англичан приобрести преобладающее влияние, на юге Африки, принять предложение, сделанное, чрез посредство французского министерства иностранных дел, посланником Южно-Африканской Республики в Париже об установлении постоянных международных сношений между Россией и Трансваалем».

Далее шло конкретное предложение о назначении в Трансвааль российского генерального консула с таким же окладом, как у генерального консула в Будапеште.

Из письма следовало, что и Николай II уже высказал пожелание об установлении официальных отношений, и что правительство Трансвааля уже обратилось к России с соответствующим предложением. Но Витте с ответом не торопился. Ответил только через месяц, 29 апреля (ст.ст.). И к самому предложению отнесся без восторга.

«Не решаясь входить в обсуждение вопроса о политическом и дипломатическом значении, которое могли бы иметь предлагаемые Вами к учреждению представительства в названных странах, я тем не менее не могу не обратить внимание на то обстоятельство, что с упомянутыми странами наше отечество не ведет никаких торговых отношений, вследствие чего торгово-промышленное значение предположенных к учреждению консульств вовсе не может быть принимаемо во внимание», написал он. И предложил переработать проект и сократить расходы.

Муравьев ответил на письмо министра финансов 5 мая (ст. ст.): «в виду проводимых Вами в оном доводов финансового характера я предпочитаю испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение отложить учреждение нашего генерального консула в Южно-Африканской Республике до более благоприятного времени».

Витте с этим предложением согласился,¹⁵ но Муравьев все же запросил Е.Е. Стааля, посла России в Лондоне, выяснить вопрос о юридической возможности установления отношений.¹⁶ Препятствием была Лондонская конвенция 1884 г., навязанная Трансваалю после его первой войны с Британией. Согласно этой конвенции, Трансвааль мог устанавливать дипломатические отношения с другими государствами только с согласия Великобритании. Великобритания же стремилась ограничить суверенитет Трансвааля, как только возможно. Она отказывала ему даже в праве на его официальное название. Страна называла себя: "Южно-Африканская Республика", но стараниями англичан за ней повсюду закрепилось ее старое название: "Трансвааль".

Вот почему Муравьев и поручил Стаалю выяснить вопрос о юридической возможности установления отношений с Трансваалем. Дипломаты пришли к выводу, что на консульские отношения это давнее ограничение не распространяется. К тому же Франция и Германия уже установили отношения с Трансваалем, и даже на более высоком уровне.

В августе 1898 г. Россия провела переговоры с представителем Трансвааля в Европе уже напрямую, без посредства французских дипломатов. Переговоры вел князь Урусов, посол России во Франции. Тут уже события развивались стремительно. 16 сентября Френсис Вильям Рейтц, государственный секретарь Трансвааля, запросил согласие Петербурга на назначение д-ра Виллема Лейдса послом Трансвааля в России. Николай II согласился, и 28 сентября товарищ министра иностранных дел России В.Н. Ламздорф информировал об этом Рейтца. 24 декабря 1898 г. министерство иностранных дел направило в Экспедицию церемониальных дел письмо с пометкой "спешное":

«Канцелярия Министерства Иностранных дел имеет честь уведомить Экспедицию, что при Высочайшем дворе учреждено новое дипломатическое представительство Южно-Африканской Республики.

Чрезвычайным посланником и полномочным министром назначен д-р Вильгельм Иоанн Лейдс (D-r Willem Johannes Leyds), представивший уже свои верительные грамоты».¹⁷

В этом году Виллем Лейдс уже был назначен чрезвычайным и полномочным послом Трансвааля при правительствах Франции, Германии, Нидерландов, Бельгии и Португалии. Его штаб-квартира располагалась сначала в Гааге, но скоро была перенесена в Брюссель. Голландец, родившийся на Яве, Лейдс стал видным государственным деятелем Трансвааля и энергично защищал в Европе его интересы. Президент Трансвааля Пол Крюгер относился к Лейдсу с большим доверием.

Но в Россию Лейдс приехать не успел.¹⁸ И российское посольство так и не открылось в Трансваале. Помешала начавшаяся в октябре 1899 г. Англо-бурская война.

Первая война Двадцатого столетия

Англо-бурская война стояла в центре внимания, как тогда говорили, «цивилизованного мира», когда этот мир встречал 1900 г.¹⁹ На заре Двадцатого столетия в этой войне видели крупнейшее международное событие. Многие из тогдашних прогнозов, тогдашних надежд и мечтаний, разочарований и скептицизма было так или иначе связано с той войной.

Война, в которой Великобритания завязла на два с половиной года, поражения, которые она терпела от двух маленьких бурских²⁰ республик – это нанесло удар по престижу Британской империи и повлияло на межгосударственные отношения в Европе.

Война вызвала бурную реакцию среди общественности европейских и многих других стран – почти повсюду оказалась антибританскую. Англофобия была тогда широко распространена. Одни не любили Британию за то, что она захватывала все новые территории по всему миру, другие – за то, что товары Бирмингема, Шеффилда и Манчестера издавна были сильными конкурентами промышленности других государств. Третьи – за "хитрую" внешнюю политику. Четвертые, сторонники самодержавных методов правления, за ее "гнилой либерализм". Как тут было не злорадствовать по поводу ее трудностей и не посочувствовать ее противнику, тем более, что противник заслуживал сочувствия. Борьбу двух республик, которые и на карте мира-то нелегко было разыскать, против крупнейшей империи в истории человечества – Британской – сравнивали с библейской схваткой Давида с Голиафом. Во многих странах создавались общественные комитеты помощи бурам. Несколько тысяч добровольцев из Европы и Соединенных Штатов воевали на стороне буров.

Эта война сыграла огромную роль в развитии военного искусства. Тридцать лет до этого в Западной Европе не было войн – после франко-прусской. За эти годы накопились бесчисленные новшества в военной технике, в стратегии и тактике, но проверить их на практике не было случая. "Колониальные войны" в этих нововведениях не нуждались. Так что Южная Африка стала первым полигоном.

В этой войне впервые в широком масштабе были применены пулеметы. Впервые – шрапнель и бездымный порох. Сомкнутые колонны войск уступили место рассыпному строю. Нам может казаться, что окопы и траншеи – давние спутники войн, но появились они только тогда, и впервые были применены бурами. Тогда же появился и цвет хаки – защитный, в который потом оделись все армии мира. А началось с того, что англичане заплатили дорогую цену за свои красные мундиры – буры оказались прекрасными

стрелками. С той поры среди курящих пошла фраза: "Третий не прикуривает". Считалось, что когда в расположении англичан зажигалась спичка, бур хватался за винтовку, когда прикуривал второй – целился, а когда третий – стрелял.

Генеральные штабы многих стран (даже Норвегии) послали на поля сражений англо-бурской войны своих наблюдателей – как официальных, так и секретных, чтобы не пропустить чего-нибудь важного в новациях военного искусства.

Англо-бурская война стала частью биографий многих известнейших людей XX столетия. Уинстона Черчилля, "Махатмы" Ганди, фельдмаршалов Робертса, Китченера и Смэтса, Конан Дойла и Киплинга и даже Александра Ивановича Гучкова.

Этой войной завершился колониальный раздел Африканского континента, продолжавшийся последнюю четверть XIX в.

В результате этой войны возник британский доминион Южно-Африканский Союз (ныне Южно-Африканская Республика – возрожденное официальное название Трансвааля) – самая экономически развитая страна Африки.

Чем была вызвана эта первая война двадцатого века?

Бурские республики оказались препятствием на пути включения в Британскую империю южной, самой богатой, части Африканского континента. Республики возникли в 1850-х гг. Одна из них, находившаяся за рекой Вааль, официально назвала себя Южно-Африканской Республикой, но она более известна как Трансвааль. Вторая, расположенная возле реки Оранжевая, именовала себя: Оранжевое Свободное Государство. В просторечии ее называли Оранжевой республикой.

Обе они возникли в результате переселения буров с южной оконечности материка в более глубинную ее часть, на север. Причина? Во время наполеоновских войн Великобритания захватила Капскую колонию, основанную голландцами в XVII в., и установили там свои порядки. Значительная часть бурского населения не захотела жить под англичанами. Погрузив свой скарб в большие фургоны, они двинулись на север.

Пусть был долгий и трудный: неизведанные края, незнакомая природа, неизвестные звери. Враждебные племена, которые почему-то были отнюдь не в восторге от появления буров на их территории. Надо было перебираться через хребты скал, горные стремнины. В фургоны запрягали до 24 пар волов. Внутри фургонов делали из шкур что-то вроде русских полатей – на них спали женщины и дети. Перед колонной фургонов и по бокам – всадники, хорошо вооруженные на случай непредвиденных опасностей. Колонны передвигались медленно. Выбирали места для остановки на несколько месяцев, чтобы взрыхлить поля, посеять, собрать урожай и запастись провизией, чтобы идти дальше. В историю буров эти походы – буры шли несколькими колоннами и разными маршрутами –

вошли как "Великий трек" – "Великое переселение». Оно считается героической акцией, положившей начало бурской, африканерской нации. Африканские племена, на чьи земли переселялись буры, считали трек грабительским нашествием. "Великий трек" начался в середине 1830-х и завершился в середине 1850-х созданием Трансвааля и Оранжевой.

В 1853 г., как раз когда создавались эти республики, в Кейптауне побывал Иван Александрович Гончаров. Его «Фрегат "Паллада"» стал одним из самых интересных отечественных описаний Южной Африки. Он восхищался этим краем земли, природой, климатом, но к экономическим перспективам отнесся скептически. «Здесь нет золота, и толпа не хлынет сюда, как в Калифорнию и в Австралию».²¹

До конца 1860-х гг. его пророчество казалось верным. Многие в Европе думали тогда, что Южная Африка будет обречена на забвение после открытия для судоходства Суэцкого канала. Канал был официально открыт 17 ноября 1869 г., и караванам океанских кораблей уже не нужно было огибать мыс Доброй Надежды и заходить в южноафриканские порты. Уходила в прошлое роль Капстада-Кейптауна как "морской таверны" на полпути между Европой и странами Азии. С его улиц исчезал тот разноязыкий матросский сброд, который прежде, пестрыми потоками растекаясь по городу, приводил его в движение. Да и окружающим фермам уже не нужно было снабжать и корабли, и портовые таверны продуктами и товарами.

И все же прогноз Гончарова не оправдался. Вскоре о Южной Африке стали говорить так много, как никогда раньше. На протяжении полутора десятилетий, с 1869 по 1886 гг., здесь, всего в нескольких сотнях километров друг от друга, были обнаружены крупнейшие в мире месторождения алмазов и золота. Этот феномен природы произвел ошеломляющее впечатление на Европу. Его даже называли "вторым открытием" Южной Африки. Алмазы были найдены в конце 60-х годов близ слияния рек Вааль и Оранжевой, в области Западный Грикваленд. Золото обнаружили тогда же, но только в междуречье Замбези и Лимпопо, куда в то время европейцы могли добраться лишь с большим трудом, через безводные пустыни и почти неизведанные земли. Поэтому золотая лихорадка началась лишь полтора десятилетия спустя после алмазной, в середине 80-х годов, когда громадные месторождения золота были обнаружены в другой части Южной Африки, на уже освоенных европейцами трансваальских землях. Оказалось, что желтым металлом богата горная область в центре Трансвааля - Витватерсранд ("Гребень живой воды"), или сокращенно Ранд.

Как только алмазы были найдены, Оранжевая республика заявила, что месторождение находится в пределах ее территории и является ее неотъемлемой собственностью. Но события развивались по той методе взаимоотношений великих

держав с малыми, которая наглядно сформулирована Марком Твенем в одном из его рассказов: «...между Великобританией и Сиамом возникли недоразумения по поводу пограничной линии, и, как сразу же выяснилось, Сиам был не прав».²²

Англия аннексировала Западный Грикваленд в 1871 г. и присоединила его к Капской колонии, а Оранжевой республике выплатили компенсацию в 90 тыс. ф. ст. — сумма ничтожная по сравнению со стоимостью алмазов, добытых здесь старателями уже буквально в первые месяцы. (Это не для вставки, а просто объяснение: местного африканского населения там не было со времен Мфекане, а были гриква — цветные, выходцы из Капской колонии, которые занимались торговлей рабами на востоке и торговлей шкурами, рогами и скотом на западе, с Капской колонией. Они уже были в каких-то официальных отношениях с колонией, а с бурами Оранжевой республики воевали, поэтому англичанам и удалось так легко их присоединить. Настоящим предательством гриква было то, что им не дали, вернее быстро отобрали у них право добывать алмазы.)

Слухи об алмазах молниеносно распространились по всему свету, и уже в 1870-1871 гг. начался наплыв искателей наживы и приключений из разных стран, прежде всего англосаксонских. Стихийно возник поселок старателей, быстро превратившийся в город, названный Кимберли, по имени английского министра колоний. На полтора или два десятилетия юг Африканского материка стал новым Эльдorado для авантюристов всех мастей и калибров.

Южноафриканская алмазная и начавшаяся пятнадцатью годами позже золотая лихорадка в первые моменты напоминала то, что немного раньше, в 1848-1849 гг., пережила Калифорния, — то всеобщее помешательство, которое образно описано в одной из наиболее известных книг по истории Америки: «Ремесленники побросали свои орудия труда, фермеры оставили урожай гнить на полях, а скот — околевать от голода, учителя забыли свои учебники, адвокаты покинули клиентов, служители церкви сбросили облачения, матросы дезертировали с кораблей — и все устремились в едином порыве к району золотых приисков. Деловая жизнь в городах замерла, покинутые дома и магазины ветшали и приходили в упадок. Золотоискатели шли как саранча... с кирками, лопатами и ковшами для промывки золота».²³

Южноафриканская приисковая горячка была даже более бурной. Ставки были выше, богатств найдено неизмеримо больше. Но в беллетристику она не попала, не нашла своих Джека Лондона и Брет-Гарта, и поэтому слова "Кимберли" и "Ранд" обычно не вызывают у читателя такого реального образа, как "Клондайк", "Калифорния", "Юкон".

Южноафриканские события доходили до Европы и Америки в ореоле фантастической романтики. Бриллианты, золото, нашумевший на весь мир алмаз "Звезда Южной Африки" — и все это на фоне африканской экзотики. Кейптаун — космополитичный портовый город, окруженный первозданными горами, за которыми настоящая «дикая» Африка — трудно придумать более яркое обрамление для приключенческой литературы. Многие писатели и поэты, как талантливые, так и бездарные видели неповторимую прелесть в сочетании этих разнородных колоритных планов. И посылали в Африку своих героев — на каравеллах и бригантинах, пароходах и аэропланах, заставляли их спасаться из кейптаунских притонов и истреблять бесчисленное множество львов и слонов на просторах к северу от мыса Доброй Надежды.

Оттачивая свое мастерство, Майн Рид обращался не только к американскому "Дальнему Западу", но и к южной оконечности Африки — развернул там действие трех своих книг. Луи Буссенар обнаружил там своих "похитителей бриллиантов". Жюль Верн отправлял туда многих своих героев. Написал и роман под таким несколько неожиданным заголовком: "Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке". Райдер Хаггард, проведя на юге Африки молодые годы и найдя там прообраз своего героя — охотника Алана Куотермейна, именно там стал писателем и посвятил этим местам свои наиболее известные романы, начиная с "Копей царя Соломона" (1885 г.). Конан Дойл связал с Южной Африкой свой первый роман — "Торговый дом Гердлстон" и впоследствии написал еще две "южноафриканские" книги. В его собственной жизни Южная Африка занимала важное место. Он не раз бывал там: в 1900 г., во время бурской войны, работал в английском госпитале в Блумфонтейне, а за год до смерти, снова объехал Южную Африку. Киплинг воспевал "волны у мыса Бурь". Для него Южная Африка была "женщина прекрасней всех, всех боготворимей", и, писал он, "краса ее влекла джентльменов без числа дьявольской стихией".

Люди приезжали на юг Африки, надеясь разбогатеть и уехать. Но, по словам Киплинга, его "прекрасная женщина" оказалась неласкова к его героям, "не добра и не верна". Богатство пришло к немногим, большинство лишь потратили привезенные с собой деньги. Но и те и другие зачастую оставались тут на всю жизнь: одни, чтобы не бросать прибыльное дело, другие — потому что не было денег на обратную дорогу. Многие из этих бедолаг стали простыми рабочими, заполнили потом южноафриканские города, фермы, рудники. Другие стали торговцами, охотниками, проводниками караванов и колониальных войск, а иногда и авантюристами. Порой, отправившись в глубь материка, составляли отряды "волонтеров" для могущественных "строителей империи".

В большой мере именно южноафриканская история дала легенду о том, что Британскую империю создала не сознательная и целенаправленная деятельность ее правящих классов, а романтика искателей приключений, возведенных благодарным народом в ранг национальных героев. Это киплингowski "беззаконный сброд", "легион, не внесенный в списки... пролагающий путь для других". Такую идею пропагандировали не только литераторы. Генерал Гордон, завоеватель Судана, убитый махдистами в Хартуме, говорил, что величие Англии было создано не политиками, а искателями приключений.

Конечно, легенда не верна. Британская колониальная империя на юге Африки была создана отнюдь не усилиями романтиков из числа рядовых старателей. Однако влияния, которое оказал приток иммигрантов на историю этого региона, нельзя недооценивать.

До открытия алмазов и золота Южная Африка оставалась вне столбовой дорожки европейской иммиграции, а с начала 70-х годов численность белого населения стала здесь очень быстро увеличиваться. В городе Кимберли, возникшем в 1870 г. на пустом месте, буквально через год оказалось уже 50 тыс. человек. Он стал вторым по численности населения во всей Африке к югу от Сахары. Вскоре его далеко обогнал "Золотой город", Йоханнесбург — поначалу поселок золотоискателей. Лачуги, наспех сколоченные из ящиков и рифленого железа. А в XX столетии его стали называть "маленькой Америкой" из-за небоскребов, первых на Африканском материке. Сейчас это крупнейший промышленный центр в Африке.

В период алмазно-золотого бума капитал меньше чем за два десятилетия прошел в Южной Африке цикл развития от мелких старателей до монополистического объединения — одного из первых в истории мирового капиталистического хозяйства.

Южноафриканские миллионеры были тесно связаны с лондонским Сити и международным капиталом. Приток капиталов в Южную Африку, особенно из Великобритании, оказался очень бурным. Особенно быстро увеличивались капиталовложения в золотодобывающую промышленность. Только в 1889 г. (год наиболее бурного южноафриканского бума) в нее было вложено 12 млн. ф. ст., и в 1890 г. общая сумма капиталовложений в рудники Ранда достигла почти 23 млн. ф. ст.²⁴

На лондонской бирже с конца 80-х годов южноафриканские акции (их называли "кафрскими") стали предметом самых бешеных спекуляций. «Никогда прежде не случалось ничего подобного биржевым спекуляциям, имевшим место в связи с Рандом», - писал известный американский историк У. Лэнджер.²⁵

Южноафриканское золото играло в мировой экономике намного большее значение, чем алмазы. К тому же открытие золота произошло в те годы, когда мировая добыча находилась на низшей точке за вторую половину XIX века.

Вся добыча золота, как и алмазов, находилась в руках европейского, прежде всего, английского капитала. Буры горным делом не занимались, но президент Трансвааля Крюгер обложил золотодобычу высокими налогами. Это стало важнейшей причиной заинтересованности владельцев золотых рудников в установлении британской власти над Трансваалем.

Великобритания однажды уже аннексировала Трансвааль – в 1877 г., еще до открытия золота. Для захвата тогда был выбран чрезвычайно удобный момент. Правительство республики фактически не контролировало положение в стране. На востоке народ бапеди стремился изгнать буров, обосновавшихся на его землях. В 1876-1877 гг. вождь бапеди Секукуни развернул против Трансвааля энергичную борьбу. Президент Т.Ф. Бюргерс не мог послать против него сколько-нибудь внушительные вооруженные силы, потому что постоянной армии республика не имела, создать же отряды добровольцев не удалось: фермеры, жившие в других районах Трансвааля, считали, что стычки на другом конце страны их не касаются. А государственная казна была пуста.

Трансвааль не оказал сопротивления английской аннексии. Наиболее антибритански настроенные бурские политики обвиняли президента Бюргерса чуть ли не в том, что он продался Англии. Но для аннексии оказалось достаточно отряда в 25 человек. Водружая "Юнион Джек" над столицей Трансвааля Преторией, они не встретили никакого сопротивления. Не только правительство, но и вообще никто из трансваальских буров не оказал сколько-то серьезного отпора. Аннексия была проведена без единого выстрела.

Но через три года трансваальцы сумели объединиться, собраться с силами и, выиграв два сражения, снова обрели независимость. Отчасти это произошло потому, что не особенно был нужен тогда Трансвааль Англии.

К концу столетия обстановка изменилась. Трансвааль окреп. Налоги с золотодобычи пополнили казну. Британских шахтовладельцев особенно тревожила близость трансваальского правительства с Германией. Крюгер же видел в этом сближении единственную возможность использовать противоречия между европейскими странами для обуздания английских "строителей империи". В 1895 г. он публично объявил, что рассчитывает на поддержку Германии.

В 90-е годы в Трансваале приобрела большую остроту проблема ойтландеров. Слово "ойтландер" на голландском языке и языке африкаанс означает "чужеземец", "иностранец". Так буры называли людей, приехавших после открытия золота – в основном, англичан. Число ойтландеров в Трансваале быстро приближалось к числу живших там буров, но Крюгер не хотел давать им тех же прав, что были у буров – например, избирательных. Правительство боялось, что буры окажутся в меньшинстве в созданной ими стране и будут вынуждены уступить ойтландерам контроль не только над ее недрами, но и над ее политикой. Поэтому Короли золота всячески раздували "проблему ойтландеров", говорили о "вопиющей дискриминации". В действительности большинство ойтландеров приехали в Трансвааль только на заработки. Они не собирались долго жить там, не хотели отказываться от английского, американского, или французского гражданства и заменять его трансваальским. Но ничтожному меньшинству ойтландеров — золотопромышленным магнатам, которые хотели аннексии Трансвааля – нужен был благовидный предлог, чтобы развязать войну. Несправедливость по отношению к ойтландерам – тысячам простых людей, как представляли дело магнаты – и стали таким предлогом.

После англо-бурской войны 1880-1881 гг. стало ясно, что мирных путей к присоединению Трансвааля у Англии нет. В конце 1895 г. англичане пошли на попытку переворота. В Йоханнесбурге золотопромышленники создали тайный комитет, который собирался свергнуть правительство. Сигналом к перевороту должно было послужить вторжение войск Британской Южноафриканской Компании из Родезии в Трансвааль. В последних числах декабря 1895 г. большой отряд этих войск во главе с Л. С. Джемсоном действительно перешел границу Трансвааля, но был почти сразу же обезоружен и взят в плен бурами. Из переворота ничего не вышло. Этот эпизод вошел в историю как "набег" или "рейд" Джемсона.

Набег Джемсона отразился не только на южноафриканской, но и на "большой" европейской политике. Широкий резонанс в Европе получила телеграмма Вильгельма II Крюгеру, в которой кайзер поздравлял буров с тем, что им удалось победить, «не прибегая к помощи дружественных государств». Это был явный вызов Великобритании. Англо-германские отношения ухудшились.

В самые последние годы XIX в. Великобритания постепенно стягивала в Южную Африку крупные силы и готовилась к войне против Трансвааля. Видя это и понимая, что война неизбежна, правительство Крюгера решило опередить будущего противника, начать боевые действия в условиях, когда английская подготовка была еще далека от завершения.

9 октября 1899 г. Трансвааль предъявил Великобритании ультиматум. В нем содержались предложение о передаче англо-трансваальских споров на рассмотрение третейского суда. И требование, чтобы британское правительство удалило от границ Трансвааля сосредоточивавшиеся там вооруженные силы, отозвало войска, введенные в Капскую колонию с июня 1899 г., и обязалось не высаживать ни в одном порту Капской колонии и Натала воинские части, находившиеся на кораблях, которые уже приближались к южноафриканским берегам. Срок ультиматума определялся в двое суток. От лондонского кабинета, как и можно было ожидать, последовал отрицательный ответ, равносильный объявлению войны. По истечении установленного срока военные действия начал не только Трансвааль, но и союзное ему Оранжевое Свободное Государство.

Буров не устрасило, что их противником оказалась самая крупная в то время мировая держава, находившаяся в зените своего могущества. Бурские республики, особенно Трансвааль, уже в течение нескольких лет готовились к войне. В Европе было закуплено большое количество оружия, в том числе даже крупнокалиберная артиллерия. Правительство Крюгера купило десятки тысяч маузеровских винтовок: они были значительно лучше тогдашних английских винтовок системы Ли-Метфорда. В Трансваале было запасено 25 млн. патронов. Запасы оружия были сделаны после набега Джемсона, когда бурские лидеры начали смотреть на войну с Англией как на ужасное, но неотвратимое бедствие. На закупку оружия стали секретно выделять большие средства. Пушки и винтовки доставлялись из Европы в ящиках с надписями "Оборудование для горной промышленности" или "Сельскохозяйственная техника". В качестве военных инструкторов приглашались европейские военные специалисты. Была создана секретная разведывательная служба.

Но все же никакой налаженной военной машины у буров не было. Регулярной армии фактически не существовало, и с началом войны вся тяжесть военных операций пала не на подготовленные воинские формирования, а на весь народ.

Война дала выход антианглийским чувствам, в XIX в. ставшим среди бурского населения чуть ли не всеобщими. Буры ушли из-под британского владычества, оставив родину отцов — Капскую колонию, поселились на новых землях, отстаивали свою независимость, но угроза снова нависла над всем, за что они боролись, - над их свободой, языком и культурой, имуществом, над их положением "народа господ" (*herrenvolk*), которое, как верили эти религиозные люди, было предопределено им свыше, над "данном от бога" правом управлять собственными делами.

На войну было готово пойти чуть ли не все мужское население с 16 до 60 лет. Каждый из добровольцев шел воевать со своим оружием, со своей лошадью, если она

была, и со своим запасом еды; от правительства они не получали ни платы, ни обмундирования, ни продовольственного рациона. Созданные таким образом боевые отряды не отличались дисциплиной, но вели себя мужественно. Преимуществом буров было отличное знание местности, выносливость, вошедшее в поговорку прекрасное умение стрелять, а главное, четкое представление о том, почему и за что они воюют, и стремление победить во что бы то ни стало. Помогали бурским добровольцам и женщины, приносившие на позиции пищу и все необходимое, а иногда и принимавшие участие в боях. Помогали, как это ни странно, и многие черные работники и рабы, отцы которых прошли с бурами весь долгий путь из Капской колонии, и создавали с ними новые страны.

Английские войска состояли из людей, совсем недавно привезенных в эту чужую для них страну и воевавших лишь по принуждению. К тому же большинство английских солдат были новобранцами, совсем молодыми и необстрелянными. В первые недели войны английские войска уступали бурским даже по численности.

Ход этой войны хорошо известен, описан во многих исследованиях и учебных пособиях. В течение первых нескольких месяцев события развивались в пользу буров. Буры сразу же вторглись и в Капскую колонию, и в Натал, нанесли англичанам несколько весьма ощутимых поражений, осадили города Ледисмит, Кимберли и Мафекинг. Дни 11-16 декабря 1899 г. англичане назвали "черной неделей": в трех сражениях в разных районах Южной Африки их армия потеряла 2500 человек и 12 орудий. Январь 1900 г. также принес британским войскам одни поражения.

Однако громадное превосходство военной мощи Британской империи неизбежно должно было привести к единственно возможному исходу. Из Англии прибыли генералы Робертс и Китченер с многочисленными подкреплениями. К концу февраля 1900 г. англичане добились снятия осады с Кимберли и Ледисмита. 27 февраля близ Кимберли Китченер заставил сдаться 4 тыс. буров во главе с одним из самых популярных в Трансваале военачальников — генералом Кронье, героем войны 1880-1881 гг. 13 марта английские части захватили Блумфонтейн, столицу Оранжевого Свободного Государства. В мае была снята осада с Мафекинга, 1 июня войска генерала Робертса вступили в Йоханнесбург, а 4 июня — в Преторию. Борьба на этом не кончилась. Буры перешли к партизанской войне, причем ее огонь охватил цитадель британского господства в Южной Африке — Капскую колонию. В то время, как Робертс и Китченер уже праздновали победу над республиками, тысячи буров Капской колонии развернули партизанские действия в тылу английской армии.

Сломить это сопротивление англичане смогли только при помощи исключительно жестоких мер. Войска сжигали бурские фермы, уничтожали посеы, угоняли скот. Лорд

Робертс объявил, что будет сожжено дотла все жилье в радиусе 10 миль от каждого взорванного партизанами участка железной дороги. В действительности англичане жгли бурские дома и фермы не только там, где действовали партизаны, но и по всей стране.

Чтобы прекратить партизанскую войну, английские власти стали сгонять гражданское население страны — женщин, детей, стариков — в концентрационные лагеря (официально они, как бы в издевку, именовались "refuge" — "убежище", "место спасения"). Сетью таких лагерей была покрыта вся страна — впервые в истории человечества. Туда согнали 200 тыс. человек гражданского населения — 120 тыс. буров и 80 тыс. африканцев (содержали их, разумеется, отдельно). Смертность в этих лагерях была колоссальная.

Расправа с бурами всколыхнула общественное мнение Европы и Америки — может быть, потому, что главными жертвами был не африканцы или азиаты, а свои, европейцы, хоть и оторвавшиеся от европейских корней. Об африканцах жители тогдашней Европы знали, в сущности, очень мало, плохо представляли себе, что это за люди, а в бусах видели себе подобных, потому страдания их и вызвали живое сочувствие.

Повсюду осуждали Англию. Портреты бурских генералов - Жубера, Бюргера, Мейера, де Вета, де ла Рея, Боты, Смэтса, Герцога — появлялись во всех газетах. На стороне буров сражались тысячи добровольцев из Голландии, Германии, Ирландии, Франции, Италии, России, Соединенных Штатов Америки, Черногории.

Правительства большинства европейских стран заявляли о сочувствии бурам, но энергично выступить против Англии не решился даже кайзер Вильгельм II, неоднократно обещавший Трансваалу самую эффективную поддержку. Президент Крюгер в конце мая 1900 г. отправился в поездку по столицам крупнейших держав мира с просьбой о вмешательстве, но успеха не добился.

Громадное превосходство английских войск и варварская расправа с женщинами и детьми с в конце концов заставили буров отказаться от сопротивления. 31 мая 1902 г. в г. Феринихинг был подписан мирный договор. Бурские республики прекратили существование, были объявлены английскими колониями (под названиями Трансвааль и Колония Оранжевой Реки), их жители стали британскими подданными.

Война дорого стоила и бурам, и англичанам. Буры потеряли убитыми 4 тыс. и ранеными 20 тыс. Еще больше — 26 тыс. буров — погибло в концентрационных лагерях. У англичан было 5,8 тыс. убитых, 23 тыс. раненых и, кроме того, многие умерли от эпидемических болезней. Всего в течение войны на стороне буров сражались 87 тыс. человек, на стороне англичан — 448 тыс. Значительная, если не бóльшая часть всего

принадлежавшего бурам имущества была уничтожена. Английская казна потратила на войну 250 млн. ф. ст.

В результате англо-бурской войны Южная Африка почти целиком (за исключением пустынной немецкой колонии на юго-западе) вошла в состав Британской империи. С чисто военной точки зрения опыт этой войны изучался генеральными штабами различных стран в течение нескольких лет.

Местные африканские племена не принимали широкого участия в войне. Правда, британские власти давали туманные обещания, что в случае их победы положение африканцев улучшится, вызывая этим некоторые иллюзии среди африканского населения республик. Иногда, попадая в критическое положение, англичане призывали африканцев на помощь. Особенно большую поддержку оказали им басуты, как знатоки местности и разведчики. Но в целом обе воюющие стороны придерживались того мнения, что это война между людьми одной расы, и предпочитали терпеть поражения, но не апеллировать к африканцам.

Роль России

Могла ли Российская империя, главная соперница Великобритании, остаться в стороне от этих событий? Конечно, у нее не было в той части мира столь же широких замыслов, как у Англии и Германии, но интересы все же были. Царское правительство не пропускало болевых точек в глобальной британской политике. Одной из таких точек был Трансвааль.

Еще во время первой войны между Англией и Трансваалем, в 1881 г., русское посольство в Лондоне направляло в Петербург резко пробурские оценки тогдашних событий.²⁶ Но тогда представления официальной России о ситуации на Юге Африки вряд ли были особенно четкими. Вероятно поэтому даже письмо верховного вождя южноафриканского народа пондо в 1886 г. осталось без ответа. Письмо, адресованное «Царю. Санкт-Петербург. Россия», содержало просьбу взять пондо под российское покровительство и защитить от англичан.²⁷

В середине 90-х, особенно после английской попытки завоевать Трансвааль в 1895 г., обстановка изменилась. Положение в Трансваале и вообще на юге Африки освещалось в мировой и в русской печати. С начала 80-х гг. на юг Африки, прежде всего в Трансвааль, пошла эмиграция из России. К началу первой мировой войны в Южной Африке было уже около сорока тысяч эмигрантов из России. Это были, главным образом, евреи, бежавшие от погромов и дискриминации. Но как бы ни плохо им было в России, их контакты с нею далеко не всегда прерывались, так что объективно эта эмиграция содействовала зарождению связей Трансваала с Россией.

Причин усиления интереса россиян к Южной Африке было много. Была и такая. Российские путешественники, побывав на африканском Юге, часто писали о сходстве буров с русскими. Подчеркивали религиозность буров, патриархальность, спокойный характер, хозяйственность и домовитость. Во всем этом усматривали черты, роднившие буров с русскими мужиками. Даже внешним обликом они, казалось, были близки: крепкие, рослые, с окладистыми бородами. Справедливо такое сравнение или нет, но утвердилось оно в сознании многих россиян довольно прочно.

В первые недели войны министр иностранных дел М.Н. Муравьев завершал поездку по европейским державам: Германии, Испании и Франции. И хотя визит был неофициальным, в честь российского министра устраивались торжественные приемы на семьдесят, а то и на сто персон. Он был принят французским президентом Лубе. Во влиятельной газете "Санкт-Петербургские ведомости" сочли нужным привести оценку этого визита из французской газеты "Фигаро": «европейское положение по многим причинам требует теперь крайней бдительности. В нем возможны перемены, которые немедленно отозвались бы на интересах России и Франции. Время выбрано поэтому удачное для обмена мнениями о них и для соглашения».²⁸

Одновременно возросла численность русских военных кораблей в Средиземном море и в Атлантике. В октябре во французском порту Бресте оказалось сразу четыре русских крейсера, хотя, конечно, это вряд ли могло быть угрозой "владычице морей". Другое дело - слухи о передвижении русских войск близ пределов Афганистана и Индии. Русское правительство решило провести военную демонстрацию «при посредстве соответствующих военных распоряжений, долженствующих ограничить свободу действий Англии».²⁹ В конце 1899 г. в русских газетах появилось сообщение: «Ввиду распространившихся в последнее время известий о тревожном положении дел в Афганистане... сделан опыт передвижения небольшой части войск с Кавказа в Закаспийскую область».³⁰

Николай II прекрасно знал, что такие угрозы обеспечат ему поддержку англофобской части русского общества.

Генерал М. Грулев, отлично знавший тогдашние настроения, особенно в военных кругах, позже вспоминал: «Целыми веками общество наше воспитывалось на идее о походе в Индию. Вместе с молоком матери мы всасывали взлелеянную мечту о распространении нашего оружия за Гиндукушский хребет, в самую колыбель человечества, в сказочную страну мировых сокровищ, чтобы попутно свести здесь все старые счеты с Англией.

Трудно сказать, на чем базировалась такая легкомысленная самоуверенность, которая не желала считаться ни с какими условиями: географическими, стратегическими и иными. Плодилось немало невежественных и легковесных статей и брошюр, которые усиленно толкали Россию по направлению к Индии, насыщая наше общественное мнение опасными химерами».³¹

Естественно, что активность России вызывала беспокойство в Англии. В начале ноября 1899, накануне встречи российского императора с кайзером во всех европейских столицах гадали, к каким анти-английским мерам она может привести. Но если и были у России планы совместных с Германией действий против Великобритании, удар по ним был нанесен буквально сразу же. Казалось, что им легко договориться: они всячески демонстрировали свои приятельские отношения, называли друг друга "Ники" и "Вилли"; Николая и его семью Вильгельм встречал в Потсдаме г. в русской военной форме. Потом они вместе охотились на фазанов, куропаток и зайцев. Но 8 ноября стало известно, что Великобритания и США пришли к соглашению с Германией о разделе островов Самоа.

В тот же день британское правительство получило сведения, что Муравьеву не удалось убедить французское правительство предпринять сколько-то определенные действия против Англии.³² Для Франции намного важнее были противоречия с Германией - вопрос об Эльзасе и Лотарингии. Поэтому осложнять отношения с Великобританией она не захотела.

Так что ни о каких совместных действиях царь и кайзер не договорились. Больше того, уже через несколько дней, 20 ноября, едва расставшись с Николаем, Вильгельм II с семьей и с канцлером Бюловым прибыли на яхте "Гогенцоллерн" в Англию, в королевский дворец в Виндзоре. Кайзер не бывал в Англии с 1895 г., после рейда Джемсона, и теперь поставил условием своего визита уступку островов Самоа. Сесил Родс обещал это ему еще во время их встречи в середине марта. Теперь это условие было выполнено: 14 ноября в Лондоне был официально подписан англо-германский договор о Самоа. К тому же Англия перестала препятствовать излюбленному плану Вильгельма - строительству Берлинско-Багдадской железной дороги. 27 ноября турецкий султан объявил, что предоставляет немецкой компании концессию для строительства дороги через Басру в Багдад.

Уже тогда Вильгельм не хотел вести переговоры с представителем Трансвааля Лейдсом. Что до России, то он подталкивал ее к решительным действиям против Англии, но не для того, чтобы участвовать в них, а лишь затем, чтобы шантажировать Лондон русским нажимом и использовать его в своих целях.³³

А Джозеф Чемберлен в ходе встречи с канцлером Бернгардом Бюловым стремился настроить его и против России, и против Франции. Предложил даже раздел Марокко с предоставлением Германии атлантического побережья. Правда, Вильгельм и Бюлов этот дар не приняли - не захотели идти на обострение с Францией.

О политике России лучше судить не по словам царя, а по деловым документам, по большей части секретным. Пожалуй, важнейший из них - это записка М.Н. Ламздорфа, бывшего во время ее написания товарищем (заместителем) министра иностранных дел, а через несколько месяцев назначенного министром. Записка датирована 22 января 1900 г. (ст. ст.) и озаглавлена: "О задачах внешней политики России в связи с англо-бурской войной".

Начиналась она общей оценкой значения англо-бурской войны для мировой политики: «Разыгравшиеся на Африканском материке с начала осени минувшего года события сосредоточили на себе всеобщее внимание и приобрели в глазах правительств почти всех государств особливую важность по тем неожиданным последствиям, к которым привело столкновение сравнительно ничтожных военных сил двух небольших южноафриканских республик с войсками могущественной Англии».

Ламздорф разбирал требования воинственных кругов России, которые хотели максимально использовать ситуацию, когда у Англии были связаны руки. В этих кругах широко обсуждались планы захвата портов в Черном и Средиземном морях и даже в Персидском заливе. В шовинистской печати это называлось "компенсациями".

Ламздорф выступил против этих прожектов как дорогостоящих и нереальных. Даже давнюю мечту российских экспансионистов - захват пролива Босфор - он назвал нереальной. Обстоятельно, с хорошим знанием дела, он рассмотрел замыслы России и других великих держав во всех районах столкновения их интересов, от Босфора до Ирана и Дальнего Востока. И сделал вывод: «Настоящее общее политическое положение вещей не вызывает необходимости со стороны императорского правительства принятия каких-либо неотложных, чрезвычайных мер: ни в виде приобретения путем соглашения какой-либо стоянки для нашего флота, ни при посредстве военного занятия какой бы то ни было территории или стратегической позиции».

Единственное, что Ламздорф предложил, это несколько укрепить позиции России в Османской империи, в Ираке и Афганистане - и то не военными, а дипломатическими мерами.

Записка Ламздорфа была послана в несколько министерств. Военный министр Куропаткин выразил явное недовольство. Он считал, что надо начать давление на турецкое правительство, чтобы оно уступило России Босфор. Управляющий морским

министерством тоже не сдержал наступательного пыла и жалел, что Россия ничего не выгадает от затруднений своего старого соперника. Зато министр финансов высказал прямо противоположное мнение. Он возразил даже против предложенных Ламздорфом мер по усилению русского влияния в соседних странах Центральной Азии и дал понять, что при тогдашнем тяжелом финансовом положении России ей нечего было об этом и думать.³⁴

Время для России действительно было трудное. Экономический кризис, сокращение промышленного производства, а главное - неурожай и голод в ряде областей империи. Даже "ястребы" в правительстве это понимали.

Вильгельм II подталкивал Россию к вторжению в Индию. Он прямо говорил об этом с российским послом в Берлине в начале января 1900 г.³⁵ Но даже в высших военных кругах России было понимание опасности такого шага. Это выяснилось на закрытом совещании генералов и офицеров в конце 1899 г. Докладчик, генерал М. Грулев, резко осудил призывы к походу на Индию – и никто ничего ему не возразил. Правда, доклад Грулева решили не публиковать, чтобы не раскрывать перед Англией свои карты, и заставить ее считаться с возможностью российского вторжения.³⁶

В целом победила точка зрения Ламздорфа. Призывы вторгнуться в Индию или захватить Босфор так и остались призывами. Но свои позиции в Центральной Азии Российская империя все же несколько укрепила. В декабре 1899 г. она добилась, что Иран еще на десятилетие продлил свое обязательство не давать другим иностранным державам концессий на строительство железных дорог. В январе 1900 г., дав Ирану заем, Россия добилась вытеснения английских товаров российскими на иранском рынке. А в случае нарушения сроков по платежам этого займа Россия получила право «установить контроль над таможами, доходом коих упомянутый заем гарантирован».³⁷ В Османской империи правительство Николая II добилось концессии на строительство железной дороги вдоль южного берега Черного моря. А с Афганистаном Россия в начале 1900 г. установила дипломатические отношения, чему Великобритания всегда препятствовала.

Ни для кого не было секретом, что причиной этих перемен в Центральной Азии была англо-бурская война. Даже российский либеральный журнал, существовавший в условиях жесткой цензуры, публично признал это. «Русско-персидский заем и русско-персидские концессии также до известной степени связаны с этими событиями. В Тегеране не решились бы на этот шаг, столь неприятный англичанам, если бы престиж Великобритании не был столь поколеблен южноафриканскими событиями».³⁸

Российская общественность откликнулась на англо-бурскую войну бурно. «За здравие президента Крюгера служат молебны, от оркестров, играющих в публичных местах, требуют "гимн буров", который повторяется бесчисленное число раз». Это свидетельство петербургского журнала начала 1900 года.³⁹

«Буры и все "бурское" интересует теперь решительно все слои общества, и в великосветской гостиной, и в редакции газеты, и в лакейской, и даже в извозничьем трактире только и слышны разговоры о бурах и африканской войне». Так говорилось в книжке, изданной в конце 1899 г. Называлась она "В помощь бурам!" А автор назвал себя "Бурофил".⁴⁰ А вот и еще: «Нынче куда ни сунься - все буры да буры».⁴¹

Таких высказываний от тех времен остались сотни, тысячи. Издавалось множество русских книг о войне. Статей - не сосчитать. А брошюры печатали не только в столицах - в Санкт-Петербурге и Москве - или крупных городах Российской империи - Киеве, Варшаве, Тифлисе (Тбилиси), но даже в Борисоглебске, который и на карте-то найдешь только с большим трудом. Фотографии бурских бойцов, генералов, президента Крюгера и его соратников - во всех иллюстрированных изданиях. И с самыми восторженными подписями.

В церквях собирали пожертвования в пользу буров. В Трансвааль посылали иконы, альбомы, роскошно изданную Библию, складни, пластинки с записями русских стихов и песен в честь буров. А после известия, что бурский генерал Кронье взят в плен, прошла широкая кампания по сбору средств, чтобы подарить ему братину - громадную братскую чашу из порфира с серебряным орнаментом. Эта братина была послана вместе с листами, на которых расписались 70 тысяч человек. Листы озаглавлены: "Подписи к братине от русских людей командиру буров Питу Кронье". Это все хранится теперь в Претории, в Историческом музее. А некоторые русские книги попали в библиотеку Стелленбошского университета.

Улицам русских городов давали названия в честь бурских героев или как-то связанные с бурам. В одну лишь харьковскую Городскую управу поступили предложения дать трем новым улицам названия: Трансваальская, Жуберовская и Крюгеровская.⁴²

Южноафриканские события отразились в театральных и цирковых репертуарах. С ними связали программу петербургского цирка, а постановка в Московском городском манеже в феврале 1900 г. называлась: "На высотах Драконовых скал или война буров с англичанами".⁴³

Общим ажиотажем быстро воспользовались торговцы. Появились игрушки, карикатурно высмеивающие Джона Буля, и картинные изображения буров. Ресторанам, трактирам, закусочным давали новые названия. В Петербурге возле Царскосельского

вокзала появился трактир "Претория", в городе Козлове - трактир "Трансвааль", Названия привлекали публику.

Центром организации помощи бурским республикам стал Голландский комитет для оказания помощи раненым бурам. Он находился в Санкт-Петербурге, на Невском. Его председателем был пастор голландской общины Санкт-Петербурга Хендрик Гиллот. Комитет обращался к народу России с воззваниями. В первом, в октябре 1899 г., был призыв к сбору средств для раненых буров. Во втором, в ноябре, говорилось, что уже собрано 70 тысяч рублей и что эти пожертвования направлены на организацию санитарного отряда на 40 коек, под названием: "Русско-голландский походный лазарет". В третьем, в декабре, - что общая сумма пожертвований уже превзошла 100 тысяч рублей, что госпиталь уже обеспечен средствами на шесть месяцев, считая проезд туда и обратно. И что врачи и сестры милосердия уже двинулись в путь. Голландские - из Амстердама, русские - из Санкт-Петербурга.

Для сбора дополнительных средств комитет обратился к виднейшим петербургским художникам, артистам, музыкантам, композиторам, писателям и общественным деятелям с просьбой прислать для публикации в альбоме свои портреты, фотографии, автографы, картины и рисунки. Так появился альбом "С.-Петербург - Трансвааль", прекрасно изданный, на меловой бумаге. В нем воспроизведены картины И. Е. Репина, Н. К. Рериха, К. Е. Маковского и других известнейших русских художников, портреты и фотографии артистов балета, оперы, драматических театров.

Сколько российских добровольцев сражалось на стороне буров? Известны только подсчеты, сделанные английскими и американскими военными корреспондентами. Эти подсчеты считались наиболее достоверными и приводились во многих изданиях. Число добровольцев - 225.⁴⁴

Это, конечно, была лишь небольшая часть из тех, кто хотел бы, но не мог поехать в Южную Африку. Уже в самые первые дни войны в редакции газет обращались «лично и письменно, многие лица с просьбою дать им указанье, как прикомандироваться к направляющимся в Трансвааль добровольческим отрядам».⁴⁵ В приемной пастора Гиллота, до того была тихой и спокойной, стали толпиться «люди из всех сословий, все рвутся к бурам».⁴⁶

Но путь из России был намного дальше и дольше, чем из западноевропейских стран. Надо было из бескрайнего русского сухопутья добраться до Марселя или какого-нибудь еще порта Западной Европы, откуда плавали корабли на Юг Африки. Дорога стоила громадных денег, не говоря уже об экипировке. К тому же у русских было куда

меньше опыта зарубежных путешествий, чем у европейцев – особенно путешествий в Африку.

Но даже о тех, кто смог добраться и принять участие, в войне, о тех 225 – как же мало мы знаем о них! Основной источник сведений - отчет об англо–бурской войне, представленный военным атташе Василием Иосифовичем Гурко после его возвращения в Россию. Отчет подробный, объемистый - 340 страниц. Есть там и список русских добровольцев, но перечислены только 25 фамилий, ⁴⁷ в основном офицеры. Да и о них сведения весьма лаконичные. Только фамилии (имена не названы), воинские звания (зачастую неверные) и иногда наименования полков, в которых добровольцы служили в России. Военный атташе собирал сведения о новшествах военного искусства, применявшихся в англо-бурской войне и явно не считал своей задачей сбор данных о добровольцах.

Елизавета Фокскрофт, русская эмигрантка, преподававшая русский язык в Университете Южной Африки в 60–70–е годы двадцатого века, собирала сведения волонтерах из России в Государственном архиве в Претории. Но она смогла назвать еще только 14 человек: ⁴⁸ учет приезда добровольцев велся в бурских республиках только в первые месяцы войны. Так кто же были остальные 185 ?

Конечно, статистика в России никогда не была на высоте. Но не дать никаких сведений, даже фамилий подавляющего большинства, более 80 процентов добровольцев! И это при том всеобщем ажиотаже, который царил в России из-за этой войны! Поразительно.

Еще более удивительно, что никто из ученых - тех, кто касался темы о добровольцах, - даже не задался вопросом о том, кто же были эти люди. Один из авторов этой статьи А.Б. Давидсон, долго бился над этим и в конце концов нашел ключ к этой загадке.

Дело в том, что понятие "русские" трактовалось по-разному. У английских и американских журналистов, которые подсчитывали численность волонтеров от каждой из стран, был один подход. У официальных кругов России - другой. Журналисты, очевидно, считали русскими всех выходцев из России, в том числе и тех, которые осели в Южной Африке, или во всяком случае тех, кто приехал туда незадолго до войны. Так же подходили и английские власти. За помощь бурам они выселяли этих людей из Южной Африки на родину - в Россию. Подавляющее большинство этих иммигрантов были евреи. Во время войны 3 тысячи из них были высланы в Россию. Но русской бюрократии очень не хотелось считать их своими, российскими подданными. Русские евреи, которые

сражались в бурских командос, не попадали ни в какие российские отчеты. А таких волонтеров было немало.⁴⁹

Не попали в российские отчеты и осевшие в Южной Африке русские и литовцы. Приехавший в начале 1900 года доброволец Владимир Рубанов писал потом, что в "Русском отряде" «были еще русские крестьяне, которые задолго до войны поселились в Южной Африке».⁵⁰

Другой российский доброволец вспоминал, что в "Русском отряде" было восемь иммигрантов из Литвы - все из-под города Ковно (теперь - Каунас). Они эмигрировали в Южную Африку за два-три года до войны.⁵¹ Кто это были: литовцы или евреи? Они, как и русские мужики, остались безымянными. Никто не зафиксировал их имен.

Не попали в официальные отчеты и многие другие добровольцы. Военное министерство интересовали главным образом офицеры, из чего и исходил Гурко, составляя свой список. А остальные - куда их приписать? Россия, как говорил Чехов, страна казенная. Большинство же добровольцев, очевидно, ни по какому государственному ведомству не числились. Они не укладывались в прокрустово ложе русской бюрократической статистики. Но и никакая другая страна, тоже не считала их своими. Вот они и выпадали из всех перечней.

Не попал в официальные отчеты Иван Кириллович Заболотный, который потом стал депутатом Первой Государственной думы. Не попал Николай Евграфович Попов – потом он стал летчиком.⁵²

Самыми известными среди добровольцев были Евгений Яковлевич Максимов – он стал бурским генералом,⁵³ грузинский князь Николай Багратиони-Мухранский, Александр Иванович и Федор Иванович Гучковы.

Медицинский отряд Российского Красного Креста работал в Южной Африке с января по август 1900 г. В его составе было 6 врачей, 4 фельдшера, 9 сестер милосердия, 20 санитаров и 2 «агента по административной и хозяйственной части». За шесть с половиной месяцев отряд оказал амбулаторную помощь 5716 больным и раненым, стационарную – 1090.⁵⁴ Второй отряд – Русско-голландский госпиталь – тоже был снаряжен целиком на деньги, собранные в России. В него входили 4 российских врача и 4 сестры милосердия. Он работал в Южной Африке с февраля по май 1900 г.⁵⁵

Добровольцы, врачи, медицинские сестры и санитары – участники той войны оставили воспоминания, дневники, отчеты. Но их истории, их яркие судьбы – не для этой небольшой статьи – они заслуживают особого разговора.

В пробурской кампании в России участвовали самые разные политические силы. Но активнейшую роль в ней играли монархисты и черносотенцы. Им эта война была

крайне выгодна: она ослабляла главного соперника и противника России, Англию, а в России отвлекала внимание народа от его собственных бедствий. Англо-бурская война давала им прекрасный материал для разжигания шовинизма.

Именно монархисты и черносотенцы старательно подчеркивали у буров черты как подлинного, так и надуманного сходства с русскими - и именно те, которые правящая верхушка России хотела видеть и культивировала в своем народе: патриархальность, фанатичную религиозность, неприятие "растленного" Запада. Такой народ должен был помочь властям бороться с любыми силами протеста – не только с террористами, революционерами и социалистами, но и с либералами и вообще со всеми, кто стремился проповедовать достижения западных демократий.

«У буров много общего с русскими. Во-первых, они, как и русские, народ по преимуществу земледельческий, склонный, как и русский народ, к экстенсивной земледельческой культуре. Во-вторых, Трансвааль, как и Россия, переживает теперь вторжение иностранных капиталистов: трансваальские уитлендеры, из-за которых возгорелась война, могут быть смело поставлены в параллель с наводнившими нашу страну американскими, бельгийскими и еврейскими капиталистами». Так откликнулась на начало англо-бурской войны влиятельная газета "Новое время".⁵⁶

Прославление бура сопровождалось поношением англичанина. В той же статье: «Храбрый бур тщится отстоять свою независимость от прожорливого британца».⁵⁷ Это противопоставление, буквально теми же словами, кочевало по страницам русской монархической печати. «Либеральный, корыстолюбивый бритт... не мог перенести постоянного упорного сопротивления честного консервативного бура».⁵⁸

От прославления бурского консерватизма и осуждения британского либерализма не трудно было перекинуть мост к рассуждениям о консерватизме и либерализме уже как о явлениях мирового порядка. «Буры составляют одну семью, чуждую всякой партийности и всяких либеральных "отрицательностей". Они живут в привычках строжайшей дисциплины и старшие являются прирожденными и бесспорными руководителями младших».

Из первоначальных военных успехов буров тоже делался глобальный вывод: «Глубокий исторический смысл теперешней войны в том, именно, что вера, патриотизм..., патриархальная семейственность, первобытная племенная сплоченность, железная дисциплина и полное отсутствие "современной цивилизованности" оказались... такой несокрушимой силой, такой твердыней, перед которой затрепетал организм старинной, первоклассной, считавшейся непобедимой Англии».⁵⁹

Понятно отсюда, что борьба России против Англии – это борьба не только за интересы России, но и за все человечество. Именно так и говорилось в одной из передовых статей "Нового времени": «Ведя на территории азиатского материка упорную борьбу с Англией, мы боремся не только за себя, но и за человечество, мы боремся за преобладание интересов гуманности над животным эгоизмом англо-саксонской расы». ⁶⁰ По мнению «Нового времени» Россия и должна бороться не только против Англии, но и против всего Запада, который якобы Россию презирает и унижает. А для этого любые союзники хороши. «...Выгоднее было бы объединяться с будущими Мамаями и Чингисами и вести их на Европу, чем сражаться за тех, которые нас глубоко ненавидят и пытаются уничтожить не мытьем, так катаньем», размышляет газета. ⁶¹

Так, начав с восхваления патриархальности и консерватизма буров, русские англофобы закончили советом объединяться с теми, кто на триста лет установил на Руси татаро–монгольское иго.

Увы, среди российской публики такие настроения были широко распространены. Но все же они не были всеобщими.

Студенты Санкт-Петербургского университета заявляли: «... мы все искренне и широко сочувствуем бурам, как борцам за свою независимость и свободу». Но «у нас есть более родные и вопиющие нужды... разве мы можем и смеем забыть, что в трех южных губерниях сотни тысяч населения голодают, из Закавказья тоже приходят самые тяжкие вести?». ⁶² Этому вторил либеральный журнал "Вестник Европы": «У нас довольно и своих дел и всяких невзгод». ⁶³ Так же высказывалась и народническая "Неделя". ⁶⁴ А социал-демократы и того резче: «Помилуйте, но что вам за дело до буров? Подумайте о своем народе. Посмотрите, что делается на юге: ведь там голод...». ⁶⁵

Но буров поддержали почти все круги российского общества, а отнюдь не только проправительственные. В истории России можно найти не так уж много примеров, когда общество было так же единодушно. Даже либералы негодовали на Великобританию за ее предательство либеральных идей. Так что нельзя объяснить симпатии россиян к бурам лишь тем, что реакционная печать ловко манипулировала общественным мнением. Ведь обычно народ, и особенно интеллигенция, не вполне доверял организованным сверху кампаниям. Здесь было и сочувствие слабому, и восхищение республиканским строем бурских государств, и неприязнь к Великобритании, глубоко сидевшая в психике многих слоев населения Российской империи.

Англо–бурской войне было посвящено бесчисленное количество статей, сборников документов, мемуаров и биографий, романов, рассказов и стихов. Существуют объемистые библиографические издания с перечислением этой литературы.⁶⁶ Но она столь велика, что ни одну библиографию нельзя считать полной.

В нашей стране в начале XX в. были изданы многотомные публикации документов об этой войне. В 1900-1905 гг. Военно-ученый комитет Главного штаба издал 21 сборник материалов о ней.⁶⁷ Тогда же вышел и трехтомник документов и материалов с картами и схемами военных операций.⁶⁸ Выходили и другие сборники.⁶⁹ Были изданы донесения военных агентов (так тогда называли военных атташе) как из Южной Африки, так и из тех европейских стран, где можно было собрать наиболее ценную информацию о войне.⁷⁰ Печатались программы (к сожалению, не полные тексты) многочисленных докладов, читанных в Обществе ревнителей военных знаний. Выходили отчеты о деятельности российских отрядов Красного Креста на фронтах Южной Африки,⁷¹ воспоминания участников войны – добровольцев (как российских, так и зарубежных),⁷² врачей⁷³ и медицинских сестер.⁷⁴ А в 1930-х гг. публиковались подборки документов, претендовавшие на сенсационность, как, например, подборка, озаглавленная «Николай II – “император кафров”»⁷⁵ или "Николай Романов об англо-бурской войне".⁷⁶

На русский язык переводились воспоминания бурских политических и военных деятелей. Воспоминания генерала Де Вета издавались пять раз, в двух переводах.⁷⁷ Англо-бурская война нашла отражение даже в русской художественной литературе. Ей были посвящены не только рассказы (А. И. Куприна, Н.Н. Каразина и ряда других писателей), но даже романы.⁷⁸

Среди зарубежных историков (в большинстве своем – британских и южноафриканских) споры велись в основном по поводу того, кто виноват в развязывании этой войны и в совершенных в ходе ее жестокостях. Африканерские (бурские) историки, как и весь африканерский народ обвиняли Великобританию в неспровоцированной агрессии, в том, что по приказу британского главнокомандующего генерала Китченера сжигались бурские фермы и уничтожались посева, и что англичане создали концентрационные лагеря, в которых погибло больше 26 тысяч африканеров - женщин, стариков, детей.⁷⁹

Взгляды английских историков, как в самой Великобритании, так и в Южной Африке и в других странах Британской империи и Содружества, всегда были различны и менялись с течением времени. Но все же долгое время превалировало оправдание захвата бурских республик. Президента Трансвааля Крюгера обвиняли в "твердолобом" национализме, поскольку он не давал полноправного гражданства ойтландерам,

хлынувшим в его страну. Всех буров – в дикости и отсталости, в жестокости по отношению к местному населению и в сохранении рабства, а также в том, что с середины 1900 г., когда англичане захватили столицы обеих бурских республик и сочли себя победителями, буры перешли к "неджентльменским" методам, начали партизанскую войну.

Чуть ли не первым, кто выступил, как историк, с развернутой аргументацией в защиту британского завоевания бурских республик, был Артур Конан Дойл. Еще во время войны он написал историко-публицистическую книгу "Великая бурская война". В течение считанных месяцев вышло 17 изданий. И тираж по тому времени – огромный: 63 тысячи экземпляров. Последнее, семнадцатое издание, называется – "полное". 770 страниц.⁸⁰ Тогда же Конан Дойл издал и другую книгу: «Война в Южной Африке, ее причины и способ ее ведения». Она не такая огромная, но зато вышла почти одновременно на многих европейских языках. В Германии – двадцать тысяч экземпляров, во Франции и Бельгии – тоже двадцать тысяч, в Испании – десять, в Венгрии – восемь, в Голландии и Италии – по пять тысяч, в скандинавских странах тоже пять, в Португалии – три. Было и русское издание – пять тысяч.⁸¹

Легко представить, какое влияние во всем мире имели эти книги, написанные пером Конан Дойла и проникавшие во многие страны. Надо ему отдать должное, в этих книгах – не только его талант, но и громадный труд. К тому же – его богатый личный опыт: во время войны он сначала попытался пойти добровольцем в британскую армию, а после того, как ему отказали (по возрасту и по состоянию здоровья) стал хирургом в военном госпитале в Южной Африке. Одновременно он не только изучал необходимые для подготовки книг документы, но и собирал бесконечные устные свидетельства. И именно за эти книги, а отнюдь не за Шерлока Холмса, он был возведен королем Великобритании в рыцарское достоинство – получил право именоваться сэром.

Целью знаменитого уже тогда автора было ослабить то возмущение действиями его родины, которое охватило все страны Европы. И он писал – цитируем по русскому изданию: «большинство людей во всех странах, настроенных против нас, было введено в заблуждение потоком разных нареканий и ложных слухов, распространявшихся продажной и невежественной прессой». Как и многие нынешние политики, знаменитый англичанин поддался соблазну винить зеркало, а не лицо. Что же касается обвинения англичан в жестокости по отношению к женщинам и детям, то он, присоединился к словам тогдашнего министра колоний Джозефа Чемберлена: «в истории можно найти прецеденты жестоких мер, которые мы вынуждены были принять в отношении

повстанцев; так поступали французы в Алжире, русские на Кавказе, австрийцы в Боснии и немцы во Франции». ⁸²

Конан Дойл писал это во время войны, когда страсти вокруг этих событий кипели. Потом английские историки давали более объективные оценки.

Давние споры между английскими и африканерскими учеными отражают общественные настроения и не вполне прекратились до сих пор. Африканеры возражают даже против названия войны: англо-бурская. Они предпочитают называть ее "Вторая война за независимость". ⁸³ Но поломать устоявшуюся традицию им не удалось.

(Это не для вставки, а для объяснения. «Южноафриканской войной» ее хотели назвать не африканеры, а африканцы и, в основном, политкорректные англичане, которые говорили, что название а.-б. война не учитывает участия и страданий африканцев. Все эти споры особенно горели во время столетия войны, когда была масса конференций, правительственное участие и туристический бум – понадобилась официальная точка зрения. Сейчас вообще все затихло на эту тему: война никому не интересна.)

Но в начале XXI в. эти споры отошли на второй план. На первый выдвинулся вопрос, которому почти сто лет не придавали значения: то воздействие, которое эта война оказала на африканское население Южной Африки, те страдания, которые это население претерпело, и та роль, которую оно сыграло. Историки всегда считали англо-бурскую войну войной между белыми. Обе стороны заявляли, что не будут привлекать африканцев к участию в военных операциях. Как мы упоминали, в действительности это было не совсем так. Но главное было в другом: если африканцы и не были активными участниками войны, то на их жизнь и на их будущее она оказала огромное влияние. Эти проблемы стали изучаться Южной Африке лишь недавно. ⁸⁴

На рубеже XX и XXI вв. в связи со столетием войны в ЮАР были созданы комитеты для подготовки юбилейных мероприятий. Но в среде африканского населения раздавались голоса протеста. На заседании городского совета Кейптауна были, например, представители Африканского национального конгресса говорили: «Это та часть истории, которую мы хотим забыть и не иметь с нею ничего общего»; «отмечать память бурской войны – все равно, что совершать самоубийство». ⁸⁵

В конечном счёте правительство сочло, что отмечать юбилей надо и даже предоставило средства на некоторые мероприятия: стало понятной, что туристический бум, начавшийся в этой связи, принесет колоссальные средства в казну. Но идеологически идея такого празднования была правительству не близка. Это отразилось, например, в том, что в июне 1999 г., о время церемонии инаугурации нового президента ЮАР, Табо Мбеки,

памятники прошлой, “белой” Южной Африки, в том числе и памятники участникам англо-бурской войны, были задрапированы. (в Претории?)

Российские взгляды на войну менялись. До Октябрьского переворота – почти безоговорочная поддержка буров. В советское время это изменилось, особенно с 1948 г., когда африканерские правительства установили в Южной Африке расистский режим апартхейда. И советская пропаганда в какой-то мере перенесла неприятие этого режима на прошлое африканеров, наверно по тому принципу, что история – это политика, опрокинутая в прошлое. В истории африканеров подчеркивался их расизм, их жестокое отношение к черным. А вот их прославлявшаяся прежде мужественная борьба за независимость, оставалось в тени. В заключении единственной монографии об англо-бурской войне, изданной в СССР, говорилось, что она была «войной английских и бурских колонизаторов за передел Южной Африки».⁸⁶ Но если в этом был основной смысл войны, то стоит ли упоминать, что русские добровольцы защищали буров? И в этой книге русским добровольцам посвящено лишь несколько строчек, их участие только констатируется, без какой-либо оценки.⁸⁷ (Но ведь это, кажется, ленинская оценка?)

Такой подход был, конечно, неисторическим. В борьбе буров было две стороны: их стремление отстоять свою независимость от Англии и в то же время их желание удержать свое господство над африканцами. То же самое, кстати, можно сказать о любом правителе, борвшемся против колонизации: все они боролись за независимость, и в то же время за то, чтобы удержать в своих руках контроль над своими подданными и господство над покоренными прежде другими народами.

Первым серьезным исследованием истории отношения России к той войне стала работа Александра Лазаревича Витухновского. Она была защищена как кандидатская диссертация на историческом факультете Ленинградского государственного университета 4 октября 1949 г.⁸⁸ Витухновский тщательно изучил все доступные тогда отечественные источники: мемуары, журналы, газеты. Доступа к архивам у него не было. События он старался анализировать скрупулезно и объективно. В поддержке буров российским правительством и обществом видел не только сочувствие бурам, а в действиях российских добровольцев, отправившихся на ту войну, не только патриотизм.

Главной причиной поддержки буров Россией Витухновский считал неприязнь широких кругов российской общественности к Великобритании, накапливавшуюся в течение нескольких десятилетий, особенно с Крымской войны и соперничества в Средней Азии в 1860-1890-х. А проанализировав состав добровольцев, он отметил, что среди них были офицеры, посланные генеральным штабом для сбора сведений о нововведениях в видах вооружений, в военной стратегии и тактике, а также и офицеры, которые не были

напрямую связаны с генеральным штабом, но тоже хотели собрать для него сведения об этих новшествах.

Диссертация Витухновского не была опубликована. Почему? Прежде всего потому, что в советской геополитике тогда почти не уделялось внимания Африке – и это отразилось в направлениях научных исследований, в деятельности издательств и журналов. Исследования по истории Африки не были востребованы.

Была и конкретная причина. Научного руководителя Витухновского, Михаила Борисовича Рабиновича, в том же 1949 г. арестовали по надуманному, но очень страшному обвинению в разглашении государственной тайны. Это не могло не сказаться на отношении администрации Ленинградского университета к Витухновскому. Тогда же затевалось "Ленинградское дело", нагонявшее страх на ленинградских чиновников любого уровня. Витухновского в Ленинграде не оставили, направили в Петрозаводск, так что он уже не смог продолжить работу над своей темой и довести диссертацию до книги. А результаты исследования опубликовал лишь в конце пятидесятых и в начале шестидесятых, двумя статьями в Ученых записках Петрозаводского университета.⁸⁹

Следующее исследование было проведено не в СССР, а в Южной Африке.⁹⁰ Автор, Елизавета Фокскрофт – украинка, родившаяся в Полтаве. Девичью фамилию – Кандыба – она поставила и на своей книге – Кандыба-Фокскрофт, хотя в Англии и в ЮАР жила под фамилией Фокскрофт. В Южную Африку из Англии ее семья переселилась после второй мировой войны. До 1928 г. жила в Бельгии и Франции. Из России уехала ребенком, с матерью, во время Гражданской войны.

В 1960 г. Фокскрофт организовала первую в этой стране русскую кафедру – в Претории, в Университете Южной Африки, и затем заведовала ею много лет, до 1977 г., до выхода на пенсию.

История отношения России к Англо-бурской войне заинтересовала Фокскрофт в 1962 г. Она искала материалы в южноафриканских архивах, а в 1963, 1968, 1974 и 1978 гг. приезжала в Советский Союз (южноафриканское правительство не возражало, поскольку у Фокскрофт были близкие отношения с представителями тогдашних правительственных кругов ЮАР, а в СССР ее пускали по ее английскому паспорту). Возможности работать в российских архивах у нее не было, но опубликованные материалы она тщательно изучала в библиотеках Москвы и Ленинграда, а некоторые из них перевела на английский язык и опубликовала в ЮАР.

Важнейшее объяснение отношения России к той войне Фокскрофт увидела, как и Витухновский, во враждебности между Россией и Британией. Но вместе с тем подчеркивала, что «русские видели в бурах бесстрашных рыцарей прошлого».⁹¹

Как и Витухновский, Фокскрофт рассмотрела отношение к англо-бурской войне со стороны русской прессы различных политических направлений, от монархической до левой. У левой печати она увидела, наряду с симпатией к бурам, резкое осуждение их, как эксплуататоров африканского населения. Это осуждение и вправду существовало, но было отнюдь не так резко выражено, как написала об этом Фокскрофт, отчасти, может быть, потому, что социальные и расовые проблемы Южной Африки были им не совсем понятны и потому не близки. Так что получилось, что Фокскрофт приписала левой русской прессе начала XX в. те взгляды, которые впоследствии появились в СССР.

Пожалуй, наиболее серьезный упрек, который можно адресовать к Фокскрофт заключается в том, что она, использовав неопубликованную диссертацию Витухновского, ни разу не сослалась на нее. Она действительно использовала это исследование: это понятно и из ее текста, и из того, что в ее библиографии упомянута и диссертация и одна из статей Витухновского.⁹²

Не очень верится в утверждение Фокскрофт, что Е.Я. Максимов, самый известный из русских добровольцев англо-бурской войны, долго, но безуспешно, добивался в 1899 г. руки ее матери.⁹³ Дело даже не в том, что мы не нашли следов этого в личном архиве Максимова и в разговорах с его сыном. Конечно, влюбленность может и не оставлять письменных следов. Но очень уж соблазнительно для автора книги было сказать о такой личной связи, тем более что за давностью лет не только доказать, но и опровергнуть это невозможно.

Третьим исследованием этой темы стала наша книга "Русские и англо-бурская война", изданная в 1998 г. в Южной Африке.⁹⁴ Давать оценки своей книге не будем. Скажем лишь, что нам, в отличие от Витухновского и Фокскрофт, нам удалось ознакомиться с документами как российских, так и южноафриканских архивов.

Мы собирали и устные свидетельства. Расспрашивали Александра Евгеньевича Максимова и он разрешил нам воспользоваться личным архивом отца. Светлана Владимировна Белоусова рассказала нам о том, что слышала от отца, Владимира Николаевича Семенова, который тоже был добровольцем англо-бурской войны, а впоследствии стал главным архитектором Москвы. Наталья Николаевна Багратиони-Туранжен познакомила нас в Париже с записками ее отца, грузинского князя Николая Георгиевича Багратиони-Мухранского, который был добровольцем и оказался в плену у англичан. В Москве мы расспрашивали и других его родственников. Об Алексее Николаевиче Ганецком, командире "Русского отряда" в той войне, рассказал нам его племянник, известный литературовед и историк Михаил Иванович Стеблин-Каменский.

Нас пригласили на несколько мероприятий, связанных со столетием войны. На празднование столетия битвы на горе Спидон-Коп, где на английской стороне сражались лейтенант Уинстон Черчилль и санитар Мохандас Ганди, а на бурской - четыре русских добровольца. На старом кладбище в Претории мы возложили венок на могилу русского морского офицера лейтенанта Штрольмана, погибшего в июне 1900-го. В Утрехте – на могилу капитана Льва Покровского – он погиб неподалеку от этого городка 24 декабря 1900 г.

В 2001 г. в Москве к столетию англо-бурской войны вышел сборник документов "Англо-бурская война 1899-1902 гг.", составленный Н.Г. Воропаевой, Р.Р. Вяткиной и Г.В. Шубиным. В нем приведено большое число русских документальных материалов об отношении России к той войне. В последующие годы авторы этой книги, прежде всего Г.В. Шубин, издали ряд материалов, в том числе и архивных или малоизвестных.⁹⁵ Была защищена кандидатская диссертация.⁹⁶

* * *

Поколение, рожденное в конце прошлого столетия, - сколько страшных войн оно повидало, сколько ему пришлось пережить потрясений! И все-таки детские впечатления о той далекой войне не стерлись, о них помнилось и на склоне лет. Для них она окрасила эпоху их детства.

Константин Паустовский почти через полвека писал: «Мы, дети, были потрясены той войной. Мы жалели флегматичных буров, дравшихся за независимость, и ненавидели англичан. Мы знали каждый бой, происходивший на другом конце земли... Мы зачитывались книгой "Питер Мариц, молодой бур из Трансвааля"». ⁹⁷

Илья Эренбург незадолго до кончины вспоминал, как он сначала «написал письмо бородатому президенту Крюгеру», а потом, стащив у матери десять рублей «отправился на театр военных действий». ⁹⁸ Но его поймали и вернули.

Дон Аминадо (Аминад Шполянский) отправился "помогать бурам" даже не один, а еще с десятком таких же как он гимназистов. Их постигла, разумеется, та же судьба, что и Эренбурга. ⁹⁹

Те, кто были тогда еще моложе, играли в войну буров с англичанами и, конечно, все хотели быть бурами. «Буром был и я, играя на улицах слободки и на гимнастическом дворе», - писал о своем детстве поэт Самуил Маршак. ¹⁰⁰

Сестры Анастасия и Марина Цветаевы изрисовали всю бумагу в доме изображениями буров в широкополых шляпах и шаржами на королеву Викторию. Ее они изображали маленькой, толстой и носатой, с короной на голове. ¹⁰¹

Анна Ахматова в своих стихах 1940 года писала о начале столетия:

Суровы и хмуры...

С винтовками буры.¹⁰²

А Роман Шарлевич Сот, петербургский историк военного искусства, бережно хранил нагрудный знак с изображением президента Крюгера.

Песня "Трансвааль, Трансвааль, страна моя", слова написаны Глафирой Адольфовной Эйнерлинг (псевдоним – Г.А. Галина) - стали русской народной песней. Шарманщики разнесли ее по всей России. Она соперничала с самой знакомой – "Разлука ты, разлука, чужая сторона".

Можно по-разному оценивать отношение тех или иных групп россиян к той войне. Но бесспорно, что именно эта война впервые привлекла к Африке внимание всей российской общественности.

К той войне восходит и знакомство южноафриканцев с Россией. До того они видели только моряков с российских кораблей и иммигрантов из России, в большинстве – евреев. А во время войны – добровольцы, врачи, сестры милосердия.

Во время войны несколько южноафриканцев побывали в России. В августе 1900-го – делегация министров Трансвааля и Оранжевой во главе с Абраамом Фишером (вторым по влиянию в совете министров Оранжевой) и в сопровождении посла Лейдса. С просьбой о вмешательстве России в войну делегация опоздала: исход войны уже был предрешен. Но министры все же повидали и Петербург, и Москву. Через полгода, в феврале 1901 г. в России оказались пятеро пленных бурских бойцов, бежавших из заключения на Цейлоне. Их подобрал российский корабль «Херсон» и привез в Феодосию. В Петербург они добирались на поезде – через всю европейскую Россию, оттуда уехали в Голландию, потом вернулись домой.¹⁰³

1 августа (19 июля) 1901 г. в Петербург, на церемонию бракосочетания великой княжны Ольги, сестры Николая II, с принцем Ольденбургским, приехал Йонкер Фредерик Адриаан Александер фан дер Хуфен, официальный представитель Трансвааля. Фан дер Хуфен был секретарем дипломатического представительства Трансвааля в Европе, так что прибыл он в Петербург в качестве поверенного в делах. Его поездкой президент Крюгер хотел напомнить России, что Трансвааль еще не сдался. Реального значения поездка не имела – разве что вызвала негодование британского посла. Но фан дер Хуфен повидал Петербург и петербургскую знать – ему это было легко, поскольку его мать происходила из известной русской аристократической семьи. Впоследствии фан дер Хуфен рассказывал об этой поездке, в том числе и в печати.¹⁰⁴

В первые годы после войны в России - уже несколько человек из Южной Африки. Среди них, в 1908 г., Кристиан Фредерик Луи Лейполд, впоследствии один из самых

известных поэтов Южной Африки. Были и несколько англичан, связавших свою жизнь с Южной Африкой. По приглашению министра финансов В.Н. Коковцева в 1910 г. снова приехал Хэммонд. С ним велись переговоры о привлечении в Россию иностранных капиталов. Его принимал и Николай II.

Признательность буров за российское сочувствие не раз выражал президент Крюгер. Писал он и Е. Я.Максимову. А с началом русско-японской войны, уже из эмиграции, послал для русских раненых пятьдесят фунтов стерлингов (пятьсот рублей) с письмом: «Я лично могу принести вам маленькую, очень маленькую лепту на ваше дело, сравнительно с тем, что было совершено русским народом».¹⁰⁵ На стороне Росси в русско-японской войне участвовал бур Эдгар Густав Крил де Виллиерс Дункер.¹⁰⁶

Во время гражданской войны в России южноафриканские офицеры сражались в составе английских войск – на стороне белых. По свидетельству южноафриканских военных историков их было 35 человек (по другим данным – 37). Многие из них были награждены российскими орденами – от Добровольческой армии Деникина и других армий Белого движения. Все они к тому времени уже прошли первую мировую войну. Воевали в Гражданской добровольно. И память об участии россиян в англо-бурской войне, должно быть, сыграла роль в их решении.

Долгую память оставила помощь россиян бурам в южноафриканской памяти. Еще более долгую – в российской. Даже в годы второй мировой войны песню "Трансвааль, Трансвааль" можно было услышать в госпиталях и на привалах. Но это уже другая история.

¹ Дневник Николая II // Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). - Фонд 601, опись 1, д. 240, тетрадь 22. II -30.XI.1899, л. 181.

² Сандро - муж Ксении, великий князь Александр Михайлович.

³ Императрица Александра Федоровна.

⁴ Подчеркнуто Николаем II.

⁵ Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. – М., 1934. - № 63. - С. 125-126.

⁶ Дневник Николая II // ГАРФ, фонд 601, опись 1, д. 240, тетрадь I. XII.1899-27.VII.1900, л. 35.

⁷ Центральный Государственный Исторический Архив (далее – ЦГИА). - Ф. 37Б оп. 44, д.841, л. 10.

- ⁸ ЦГИА. - Ф. 37, оп. 57, д. 956, лл. 7-8.
- ⁹ Так в тексте.
- ¹⁰ Отчет помощника начальника Томского горного управления горного инженера В. Реутовского директору Горного департамента министерства земледелия и государственных имуществ Н.А. Денисову о командировке в Южную Африку, 1898 // ЦГИА, ф. 37, оп. 57, д. 956, лл. 39-41.
- ¹¹ Там же. - Листы 35-35 и оборот.
- ¹² Hammond, John Hays. The Autobiography. - New York: Farrar and Rinehart, 1935. - Vol. 2. - P. 461.
- ¹³ ГАРФ. - Фонд 7, опись 7, дело 143, л. 117.
- ¹⁴ Архив внешней политики Российской империи (в дальнейшем – АВПРИ). - Фонд II департамента, опись 929, дело 2., 1895, л. 32.
- ¹⁵ ЦГИА. - Ф. 565 (департамент государственного казначейства), оп. 8 (1897), д. 29362 (об учреждении представительства в Южно-Африканской Республике и в Марокко), лл. 1, 3-6, 9.
- ¹⁶ ГАРФ. - Фонд 565, опись 8 (1897), дело 29362, лист 26.
- ¹⁷ ЦГИА. - Ф. 473, оп. (1898 г.), д. 664, л. 1
- ¹⁸ В весьма подробной биографии Лейдса в пятитомном "Словаре южноафриканских биографий" не упомянуто, что наряду с другими европейскими государствами Россия также была страной, где он был аккредитован. Говорится лишь: «он также посетил Россию (август 1900 г.)». Действительно, Лейдс приехал в Россию, в первый и последний раз, только в августе 1900 г., в разгар англо-бурской войны. Верительные грамоты в 1898 г. он переслал дипломатической почтой, и Николаю их вручил министр иностранных дел Муравьев: Leyds W. J. // Dictionary of South African Biography. Vol. III. - Pretoria: Tafelberg-Uitgewers, 1977. - P. 518.
- ¹⁹ Не будем пускаться в малопродуктивные споры о том, началось ли столетие с 1900 или с 1901 г. Ученые вряд ли придут к согласию на этот счет, а в народе, конечно, началом столетия считался 1900 г.
- ²⁰ Потомки выходцев из Голландии, переселявшихся на Юг Африки с середины XVII в., с начала XX в. предпочитают называть себя "африканерами" (т.е. "африканцами" по-голландски) и говорят сейчас на языке африкаанс, трансформировавшемся голландском. Но поскольку большинство из них поначалу были фермерами, в XVIII в. за ними закрепилось и слово "буры" (фермеры, крестьяне).
- ²¹ Гончаров И.А. Собр. соч. / Вступ. статья С.М. Петрова. - Т. 5. - М.: Гослитиздат, 1952. - С. 188.
- ²² Твен М. Собр. соч. в 12 томах. Т. X. - М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1961. - С. 430.
- ²³ Beard Ch. A. and Beard M.R. The Rise of American Civilization. Vol. I. - New York: Macmillan, 1933. - P. 610.
- ²⁴ Frankel S.H. Capital Investment in Africa. - London: Oxford University Press, 1938. - P. 95.
- ²⁵ Langer W. Diplomacy of Imperialism. Vol. I. - New York: Knopf, 1951. - P. 227.
- ²⁶ АВПРИ. - Фонд канцелярии, 1881, опись 89, листы 168-169.
- ²⁷ ГАРФ. - Фонд 677, опись 1, дело 475, листы 1-2.
- ²⁸ Санкт-Петербургские ведомости. - СПб., 1899. - 30.IX/12.X.
- ²⁹ Красный архив. - М., 1926. - Т. 5 (18). - С. 6.
- ³⁰ Новое время. - СПб., 25 декабря 1899/6 января 1900.
- ³¹ Грулев М. Записки генерала-еврея // Antiquary. - Orange (USA), 1987. - P. 215.
- ³² British Documents of the Origins of the War, 1898-1914. - Vol. I. - № 294 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 1, 26-27, 35.
- ³³ Lee S. The King Edward VII. Vol. I. - London: Macmillan & Co Ltd., 1925. - P. 767.
- ³⁴ ГАРФ. - Фонд 568, оп. 1, д. 82, л. 1, 26-27, 35.

- ³⁵ Lee S. Op. cit. - P. 763
- ³⁶ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб.: В. Березовский, 1909. - С. VII-VIII.
- ³⁷ Правительственный вестник. – СПб., 1900. - 19/31 января.
- ³⁸ Русское богатство. – СПб., 1900. - № 2. - С. 138.
- ³⁹ Журнал для всех. – СПб., 1900. - № 1.
- ⁴⁰ [Бурофил]. В помощь бурам. Истор. очерк Бурофила. Причины войны и ее течение. Возможные последствия англо-бурской войны. - СПб.: Колотилов, 1900. - С. 25.
- ⁴¹ Буры и англичане. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1900. - С. 3.
- ⁴² Русские ведомости. – М., 1899. - 9 декабря.
- ⁴³ Московские ведомости. - М., 1900. - 19 февраля/3 марта; Курьер. - ..., 1900. - № 44-51.
- ⁴⁴ Hillegas H.C. With the Boer Forces. – London: Methuen, 1900. – P. 257; Amery L.S. ed. The Times History of the War in South Africa 1899-1902. Vol. VII. – Sampson: Law, Marston & Co. Ltd, 1909. - P. 89; Война англичан с бурами. Редактировано 2-м бюро французского генерального штаба / Пер. с франц. Н.А. Болотова. – СПб.: М.Н. ф. Крит, [1905] . - С. 65.
- ⁴⁵ Россия. - СПб., 1999. - № 170, 27 (15) октября.
- ⁴⁶ Московские ведомости. - М., 1899. - № 293, 5 ноября (24 октября).
- ⁴⁷ [Ромейко]-Гурко. Война Англии с Южно-Африканскими республиками 1899-1901 гг. Отчет командированного... к войскам Южно-Африканских республик генерального штаба полковника Ромейко-Гурко. - СПб.: Военно-ученый комитет Главного Штаба, 1901. - С. 63, 303, приложение 8.
- ⁴⁸ Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War 1899-1902. – Rooderpoort: CUM Books, 1981. - P. 218-219.
- ⁴⁹ Berger N. Chapters from South African History, Jewish and General. - Johannesburg: "Kayor" Publishers, 1982. - P. 36.
- ⁵⁰ Рубанов В. От Петербурга до Претории. - СПб.: Типография журнала "Строитель", 1900.
- ⁵¹ Варшавский военный журнал. – Варшава, 1902. - № 1, январь. - С. 13.
- ⁵² Сашонко В.Н. Коломяжский ипподром. Документальная повесть о русском авиаторе Николае Евграфовиче Попове. - Л.: Лениздат, 1983.
- ⁵³ Davidson A., Filatova I. The Russian Boer General // Historia. – Pretoria, 1995. - Vol. 40. No. 2, November. - P. 20-38.
- ⁵⁴ Вестник Российского общества Красного Креста. – СПб., 1900. - № 53. - С. 449; 1902. - № 19. - С. 227.
- ⁵⁵ Davidson A., Filatova I. Russian Doctors and Nurses in the South African War // Historia. – Pretoria, 1997. - Vol. 42. No. 1, May. - P. 49-60.
- ⁵⁶ Новое время. - СПб., 1899. - 20 октября/1 ноября. - Под статьей подпись: Петербуржец.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Начало и конец англо-бурской войны 1899-1900. - СПб., 1900. - С. 22.
- ⁵⁹ Московские новости. – М., 1900. - 27 февраля/11 марта. - Подпись: "Мысли русского читателя".
- ⁶⁰ Новое Время. - СПб., 1899. - 3/15 октября.
- ⁶¹ Новое Время. - СПб., 1899. - 18/30 октября.
- ⁶² Курьер. - 6 ноября 1899.
- ⁶³ Вестник Европы. – М., 1900. - № 1. - С. 383.
- ⁶⁴ Неделя. - СПб., 1899. - № 44. - С. 1463-1464.
- ⁶⁵ Жизнь. – СПб., 1899. - № 12. – С. 380.
- ⁶⁶ Одна из лучших, если не лучшая библиография англоязычной литературы: South African War Books. An illustrated bibliography of English language Publications Relating to the Boer War of 1899-1902 / Compiled by R.G. Hackett. - London: Privately printed, 1994.

- ⁶⁷ Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке 1899-1902 гг. Вып. 1-21. - СПб.: Военно-ученый комитет Главного Штаба, 1900-1905.
- ⁶⁸ Виноградский А.Н. Англо-бурская война в Южной Африке. Вып. 1-3. – СПб: Экономическая Типо-литография, 1901-1903.
- ⁶⁹ Англо-трансваальская война. Протест буров и их история / Перевод с брошюр, сост. на основании документальных данных и опубл. Трансваальским комитетом в Амстердаме и генеральным консулом Миллером в Гааге. - СПб.: Т-во "Художеств. печ.", 1900; [Жубер П.Я.]. Трансвааль. История его страданий под английским владычеством. Послание главнокомандующего трансваальскими войсками генерала Жубера к английской королеве. - СПб.: Т-во "Художеств. печ.", 1900.
- ⁷⁰ [Ромейко]-Гурко В.И. Война Англии с южноафриканскими республиками...; Донесение Генерального штаба подполковника Гурко, командированного на театр военных действий в Южной Африке. - [Б.м.], 1900; [Гурко]. Донесения военного агента в Брюсселе и Гааге, генерального штаба подполковника Миллера. - [Б.м.], 1900.
- ⁷¹ [Потапов]. Сообщение г. Потапова, административного секретаря русского отряда Красного Креста, отправленного на театр военных действий в Южной Африке. - [Б.м.], [1900]; Отряд Российского общества Красного Креста в южно-африканской республике Трансвааль. Отчет уполномоченного Общества Н.И. Кускова. - СПб., 1901.
- ⁷² Августус Е.Ф. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899-1900 гг. – Варшава: Тип. "Бристоль", 1902; Его же: Воспоминания участника англо-бурской войны 1899-1902 гг. // Варшавский военный журнал, 1900. - № 11, 12; 1901. - № 1, 3, 7, 9; 1902. - № 1, 3, 6. Эти интереснейшие воспоминания Е.Ф. Августуса, являющиеся продолжением его книги, к сожалению, оборваны, т. к. "Варшавский военный журнал" прекратил существование. Может быть, публикация воспоминаний продолжена в каком-то другом издании, но нам это обнаружить пока не удалось; Рубанов В. Цит. соч. - С. 39; Нико Багратиони в Африке / Лит. запись А. Бучкиашвили-Багратиони. Пер. и прим. Р. Гветадзе. (На грузинском языке). – Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1990. То же: Тбилиси, 1951; [Вильбуа де-Марейль Ж.]. Англо-трансваальская война. Записки бурского генерала Вильбуа де-Марейль / Пер. с франц. - СПб.: В. Березовский, 1902; Мария З. Как я была добровольцем в Трансваале. – Киев: Типография "Прогресс", 1901.
- ⁷³ Чистович С.Я. Медицинская помощь в Трансваале. - СПб.: М. Стасюлевич, 1901. То же: Больничная газета Боткина. - СПб., 1901; Эберхардт А.К. О командировке на театр военных действий в Трансваале // Военно-медицинский журнал. - СПб. 1901. - Ноябрь; Садовский А.И. Воспоминания о Трансваале и путевые впечатления. Читано в Гельсингфорском военном собрании // Военно-медицинский журнал. – СПб., 1902. - Май; Вебер Ф. Об огнестрельных повреждениях новейшими снарядами, на основании наблюдений, произведенных в последней англо-трансваальской войне. - СПб.: Тип. С.П. Яковлева, 1901; Rennenkampf K.G. Vom Ausgange des Burenkrieges // Revaler Beobachter. – Reval [Tallinn], 1902. - 15 (28), 17 (30) August, 20 (2 September).
- ⁷⁴ Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия. - СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903; Баумгартен О. Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия. 1899-1900. - СПб.: Государственная типография.
- ⁷⁵ Красный архив. – М., 1935. - № 69-70.
- ⁷⁶ Красный архив. – М., 1934. - № 63.
- ⁷⁷ Девет Х. Борьба буров с Англией. Воспоминания бурского генерала Хр. Девета / Пер. с голландского оригинала Е.Н. Половцовой. 3-е стереотипное изд. - СПб.: "Маркс", 1904. Изд. 1-е и 2-е. - СПб., 1903; Девет Х.Р. Борьба за свободу. (Воспоминание о трехлетней войне буров с англичанами) / Пер. Л. Жданова. - СПб.: Коммерч. типолит. Виленчик, 1903. То же: 1908.
- ⁷⁸ Роза Бургер, бурская героиня, или золотоискатели в Трансваале. Роман из англо-бурской войны. - СПб., 1902; Коряков О. Станный генерал. - М.: Детская лит-ра, 1969.

- ⁷⁹ Jaarsveld F.A. van. *The Afrikaner's interpretation of South African History*. - Cape Town: Simondium, 1964.
- ⁸⁰ Conan Doyle A. *The Great Boer War*. - London: Smith, Elder & Co., 1902.
- ⁸¹ На обложке: *Война в Южной Африке, ее причины и способ ее ведения*. А. Конан Дойля, автора "Большой бурской войны". - Одесса, 1902.
- ⁸² Там же. - С. 142-143.
- ⁸³ Первая была в 1880-1881 гг., после того, как в 1877 г. Трансвааль был впервые захвачен Великобританией.
- ⁸⁴ Warwick P. *Black People and the South African War, 1899-1902*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Nasson B. *Abraham Esau's War. A Black South African War in the Cape, 1899-1902*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- ⁸⁵ Cavanagh C. *Council Clash on SA War centenary* // *Cape Times*. - Cape Town, 1997. - 3 November.
- ⁸⁶ Никитина И.А. *Цит. соч.* - С. 200.
- ⁸⁷ Там же. - С. 61.
- ⁸⁸ Витухновский А.Л. *Россия и англо-бурская война / Диссертация канд. историч. наук / ЛГУ, 1949.*
- ⁸⁹ Витухновский А.Л. Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны // *Учен. зап. Петрозаводского ун-та*. - 1957. - Т. 7, вып. 1; Он же. *Англо-бурская война в оценке русской периодической печати // Учен. зап. Петрозаводского ун-та*. - 1962. - Т. 11, вып. 1.
- О жизни и творчестве А.Л. Витухновского см.: Витухновская М.А. *О моем отце Александре Лазоревиче Витухновском // Политическая история и историография. От античности до современности: Сб. научных статей*. - Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2000. Вып. II; Давидсон А.Б. *О Трансваале и бурах (А.Л. Витухновский) // Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х*. - М.: Наука, 2003.
- ⁹⁰ Kandyba-Foxcroft E. *Op. cit.*
- ⁹¹ *Ibid.* - P. IX.
- ⁹² *Ibid.* - P. 383, 385.
- ⁹³ *Ibid.* - P. III, V.
- ⁹⁴ Davidson A., Filatova I. *The Russians and the Anglo-Boer War*. - Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human and Rousseau, 1998.
- ⁹⁵ Например, Шубин Г.В. *Российские добровольцы в англо-бурской войне 1899-1902 гг. (по материалам Российского Государственного военно-исторического архива и воспоминаниям очевидцев)*. - М.: XXI век - Согласие, 2000; *Англо-бурская война 1899-1902 гг. и ее отражение в художественной литературе (авторы-составители Н.Г. Воропаева, Р.Р. Вяткина, В.Ю. Христин, Г.В. Шубин)*. - М.: "Memoires", 2007.
- ⁹⁶ Шаповалова Т.В. *Англо-бурская война 1899-1902 гг. и Россия / Диссертация канд. историч. наук / Институт Африки РАН, 1995.*
- ⁹⁷ Паустовский К. *Далекие годы: Повесть о детстве и юности*. - М.: Дет. лит-ра, 1946. - С. 45-46.
- ⁹⁸ Эренбург И. *Люди, годы, жизнь*. Кн. 1 и 2. - М.: Советский писатель, 1961. - С. 27.
- ⁹⁹ Дон Аминадо. *Поезд на третьем пути*. - Нью Йорк: Изд-во Чехова. - С. 10-12.
- ¹⁰⁰ Маршак С. *Соч. в четырех томах*. Т. 4. - М.: Гослитиздат, 1960. - С. 526.
- ¹⁰¹ Цветаева А. *Из прошлого // Новый мир*. - М., 1966. - № 1. - С. 81.
- ¹⁰² Ахматова А. А. *Бег времени. Стихотворения. 1909 – 1965*. - М.-Л.: Советский писатель, 1965. - С. 288.
- ¹⁰³ Подробнее об обоих эпизодах см. A. Davidson, I. Filatova. *The Russians and the Anglo-Boer War...* - P. 223-230.
- ¹⁰⁴ Frederik A. Van der Hoeven. *Diplomatike Herinneringen // Algemeen Handelsblad*. - Amsterdam, 1931. - 22, 25, 27. III.

¹⁰⁵ Письмо было опубликовано в петербургском журнале "Нива". – СПб., 1904. - № 28. – С. 559.

¹⁰⁶ Этими сведениями из своего архива поделился с нами профессор Йохан Барнард, известный знаток военной истории буров.